

Р О М А Н Г О Л О В О Л О М К А

Полный видений и иллюзий роман тайн,
тревожащий и пугающий.

The Wall Street Journal

СБЛИЖЕНИЕ

Кристофер Прист

Архипелаг Грёз

Кристофер Прист
Сближение

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Прист К.

Сближение / К. Прист — «Эксмо», 2013 — (Архипелаг
Грёз)

ISBN 978-5-17-092526-1

В недалеком будущем Тибор Тарент, житель ИРВБ, Исламской Республики Великобритании, привлекает к себе внимание спецслужб после того, как его жена становится жертвой странного оружия. Оно уничтожает все, что попадает под его воздействие, оставляя после себя выжженный правильный треугольник. Таких треугольников становится все больше, и их размеры растут на глазах. Первая мировая война. Фокусник Томми Трент отправляется на фронт с секретной миссией – сделать британские самолеты невидимыми для врага. Наши дни. Физик-теоретик изобретает новый метод передачи материи, последствия которого оказываются крайне разрушительными. «Сближение» – роман, где все не то, чем кажется, где пересекаются история и вымысел, а любая версия реальности может оказаться кошмаром.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-092526-1

© Прист К., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	11
3	13
4	15
5	20
6	24
7	26
8	28
9	32
10	38
Часть вторая	43
1	43
2	47
3	50
4	54
5	58
6	60
7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Кристофер Прист Сближение

Посвящается Нине

Copyright © Christopher Priest 2013. All rights reserved

© Наталья Власова, перевод, 2016

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Часть первая ИРВБ

1

Фотограф

Тибор Тарент путешествовал уже очень долго, издалека, агенты гнали его через границы и часовые пояса, относились с уважением, но тем не менее вынуждали побыстрее перебираться в следующий пункт. Целый транспортный калейдоскоп: вертолет, поезд с закрытыми окнами, какое-то скоростное судно, самолет, а потом «Мебшер», броневик для перевозки личного состава. Наконец его приняли на борт пассажирского парома, где уже была готова каюта, и он урывками проспал бóльшую часть путешествия. Один из агентов, вернее, одна – женщина – сопровождала Тарента, но оставалась осмотрительно неприступной. Они плыли по Английскому каналу под темно-серым небом, земля показалась на горизонте – когда Тарент поднялся на шлюпочную палубу, дул такой сильный ветер с мокрым снегом, что он не задержался там надолго.

Примерно через час паром остановился. Из иллюминатора в одной из кают-компаний Тарент увидел, что они направлялись не в порт, как он думал, а двигались боком к длинному бетонному причалу, тянувшемуся от берега. Пока он размышлял, что происходит, сопровождавшая его женщина подошла и велела собирать багаж. Тарент поинтересовался, где они.

– Саутгемптон-Уотер. Вы сойдете на берег в городе под названием Хамбл, чтобы избежать проволочек в главном порту. Там вас будет ждать машина.

Она проводила его на площадку нижней технической палубы. На борт поднялись еще двое агентов, которые отвели Тибора вниз по временному трапу, а потом по открытому всем ветрам причалу на сушу. Женщина осталась на корабле. Никто не попросил у него паспорт. Он чувствовал себя пленником, но сопровождающие разговаривали с ним вежливо. Тарент лишь мельком увидел окружающую обстановку: дельта реки была широкой, на берегах теснились здания и промзоны. Паром, на котором он прибыл, уже отплыл от причала. Тарент поднялся на борт ночью и теперь с удивлением увидел, что судно меньше, чем он себе представлял.

Вскоре они ехали на автомобиле через Саутгемптон. Тибор начал догадываться, куда его везут, но после трех дней постоянных переездов научился не задавать агентам вопросов. Они миновали сельскую местность и в итоге добрались до крупного города, которым оказался Рединг. Тарента разместили в большом отеле, обставленном с бессмысленной роскошью и защищенном, по-видимому, бесконечными уровнями безопасности. Вздурораженный, Тибор всю ночь не спал, чувствуя себя то ли узником, то ли каким-то пленником. По первому требованию в номер приносили еду и безалкогольные напитки, но Тарент почти ничего не ел. В комнате с кондиционированным воздухом было трудно дышать, в голову постоянно лезли непрошенные мысли. Тарент решил посмотреть телевизор, но в отеле не показывали новостные каналы. Остальное его не интересовало. Тибор задремал на кровати, одеревенев от усталости, страдая от воспоминаний, скорбя по своей погибшей жене Мелани и постоянно слыша шум от телевизора.

Утром он попытался позавтракать, но аппетит так и не появился. Два агента пришли за Тарентом, пока тот сидел за столиком в ресторане, и попросили как можно быстрее подготовиться к отъезду. Этих молодых людей он раньше не видел, оба были одеты в светло-серые костюмы. Они знали о нем или о том, что для него планируется, не больше остальных,

обращались к нему «сэр» и относились с уважением, но Тарент понимал, что они всего лишь выполняют порученное им задание.

Перед отъездом один из агентов попросил у Тарента удостоверение личности, и тот предъявил дипломатический паспорт, который ему выдали перед отъездом в Турцию. Парень лишь раз взглянул на узнаваемую обложку и потерял к ней интерес.

Автомобиль направился в Бракнелл, наконец-то Тарент был уверен в том, куда его везут. Родители Мелани ждали гостя в своем доме на окраине города. Когда служебная машина уехала, Тарент обнялся с родственниками на крыльце. Мать Мелани, Энни, начала плакать при виде зятя, а у Гордона, тестя, глаза оставались сухими, но сначала он ничего не говорил. Они проводили его в знакомый дом, казавшийся теперь холодным и далеким. Снаружи пасмурный день разразился сильным ливнем. После обычных вежливых вопросов, не нужно ли ему в ванную, не хочет ли он выпить, они втроем сели рядом в вытянутой гостиной, обставленной массивной мебелью и украшенной целой коллекцией акварельных пейзажей – с последнего приезда Тарента ничего не изменилось. Тогда с ним была Мелани. Сумка Тибора осталась стоять в коридоре, но футляры с камерами он взял с собой и поставил на пол у ног.

Затем Гордон сказал:

– Тибор, мы должны тебя спросить. Ты был с Мелани, когда она погибла?

– Да, мы все время находились вместе.

– Ты видел, что с ней случилось?

– Нет. В тот момент меня не было рядом. Я остался в главном здании клиники, а Мелани вышла наружу.

– Она была одна?

– Временно. Никто не знает, почему она это сделала, но двое охранников отправились на поиски.

– То есть она была без охраны?

Энни пыталась справиться с рыданиями, отвернулась и склонила голову.

– Мелани знала об опасности, вы же в курсе, какая она была. Никогда не рисковала без необходимости. Нас постоянно предупреждали, что вне территории стопроцентную безопасность не гарантируют. Она перед выходом надела бронежилет из кевлара.

– А почему Мелани вышла одна? У тебя есть какие-нибудь соображения?

– Нет. Я был раздавлен случившимся.

Таковыми были первые вопросы, на этом они и закончились. Энни и Гордон сказали, что приготовят чай или кофе, и на несколько минут оставили его в одиночестве. Тарент сидел в мягком кресле, ощущая ногой тяжесть сумки с камерой. Разумеется, он собирался навестить родителей Мелани, но не так скоро, не в самый первый день после возвращения в Англию, вдобавок жил сейчас под гнетом вины из-за смерти жены, чувствовал ее потерю и внезапное крушение всех их планов.

После постоянных переездов и ночевки в отелях знакомый дом навевал ощущение стабильности и покоя. Тарент в первый раз за долгое время расслабился и только сейчас понял, в каком напряжении жил последние несколько дней. Все в доме казалось таким, как раньше, но это их дом, не его. Он тут был лишь гостем.

Внезапно он проснулся, в воздухе пахло какой-то едой. На столике перед ним стояла чашка, но чай в ней давным-давно остыл. Тарент проспал около двух часов. С кухни доносились голоса, и он пошел туда, сообщить, что проснулся.

После обеда он долго гулял с Гордоном, но о смерти Мелани они не говорили. Дом располагался с бинфилдской стороны города, неподалеку от старого поля для игры в гольф. Стоял конец лета, но оба надели плотные куртки. Когда выходили на улицу, пришлось нахло-

нить головы, пряча лица от бушевавшего холодного ветра, однако не прошло и часа, как погода переменялась и обоим пришлось раздеться из-за слепящего солнечного жара.

Вспомнив о том пекле, какое ему доводилось переносить во время работы в анатолийской клинике, Тарент не стал ничего говорить. На солнце было душно, но лучше, чем на холодном ветру. По словам Гордона, они дошли до ложной цели, одного из дюжины объектов, построенных вокруг Лондона, чтобы удержать бомбардировщики люфтваффе подальше от города. Отсюда до Бракнелла были мили три, и приманка торчала прямо посреди пустоши. Смотреть особо было нечего: остатки блиндажа, заложенные кирпичами и густо заросшие сорняками, какая-то наполовину видимая труба, надежно вкопанная в землю. Гордон сказал, что увлекся изучением старых ложных целей, и описывал, как их использовали. Иногда ездил посмотреть и на другие. Вокруг большинства крупных промышленных центров в 1940 году были созданы такие декорации, но почти все они уже исчезли. Эта сохранилась довольно плохо, но на севере еще остались объекты в лучшем состоянии.

По дороге домой Гордон показал Таренту больницу, где работал хирургом-консультантом и где какое-то время трудилась Мелани еще до знакомства с будущим мужем. Потом Гордон рассказал длинную историю об операции, которую ему довелось проводить несколько лет назад. Все пошло не так с самого начала, и хотя врачи делали все возможное, это был как раз тот случай, когда больная просто умерла, невзирая на все их старания. Пациентка пролежала на столе более восьми часов. Молодая привлекательная женщина, балерина, приехавшей с трупной на гастроли, вроде как здоровая. Ей делали ерундовую операцию, риск занести инфекцию или заработать осложнение был невысок, никаких причин для смерти. В тот день Мелани готовили на операционную сестру, временно освободив от обязанностей в палатах, и она весь день пробыла рядом с отцом.

– Я люблю мою девочку больше, чем могу сказать, – нарушил Гордон молчание, когда они с Тарентом спускались по холму.

Уже около дома холодный ветер вернулся. Кроме рассказа об операции больше о Мелани в тот день не говорили.

На следующее утро Тарент проснулся в гостевой спальне, отдохнув после нескольких часов крепкого сна, но с мыслью, а сколько еще ему оставаться в доме Роско. После эвакуации из турецкой клиники его жизнь взяли под контроль власти. Хотя агенты никогда не представлялись, но разрешение Тарента подняться на борт санкционировало УЗД, Управление зарубежной дислокации, поэтому он предположил, что вежливые мужчины и женщины, которые его сопровождали, оттуда. Именно они привезли его сюда, и, вероятно, они же и заберут. Но когда? Сегодня? Или на следующий день?

Гордон уже ушел, его вызвали в больницу. Тарент принял душ, потом спустился, увидел Энни и спросил, не агенты ли УЗД предупредили их о том, что его привезут, та ответила утвердительно, но ничего конкретного им с Гордоном не сказали.

После завтрака Тибор решил начать разговор сам:

– Хотите поговорить о Мелани?

Не поворачиваясь к зятю, Энни ответила:

– Нет, пока я одна. Можно подождать до вечера? Тогда Гордон вернется.

Энн тоже получила медицинское образование. Работала акушеркой в той же больнице, где обучался Гордон.

Остаток утра Тарент провел в гостевой комнате, приступив к огромной работе по разбору тысяч фотографий, сделанных во время поездки. Пока он лишь находил неудачные или размытые кадры и стирал их. К счастью, в доме Роско был довольно сильный сигнал, поэтому Тарент без проблем получил доступ к онлайн-библиотеке и поставил все три камеры на подзарядку, во время онлайн-редактирования батареи быстро садились.

После обеда он снова прогулялся, а когда пришел обратно, Гордон уже вернулся. Они втроем сидели за голым сосновым столом на кухне, где раньше собирались на семейные обеды и вели непринужденные разговоры, но, увы, сегодня все было иначе.

Гордон произнес:

– Не нужно опускать подробности. Мы привыкли к деталям. Нам нужно знать, как погибла Мелани.

Тарент начал рассказ с невинной лжи, сказав, что они с Мелани были счастливы вместе, и тут же пожалел об этом, пусть это, как ему казалось, никак не исказило бы то, что хотели знать родители жены. Он описал клинику в Восточной Анатолии, расположенную близко к городу, но неподалеку от четырех-пяти деревень на холмах. Это был один из нескольких полевых госпиталей, открытых в Турции, с остальными они напрямую не общались, за исключением случаев, когда «Мебшер» привозил провиант или новых сотрудников на смену старым или же прилетал вертолет с дополнительной партией медикаментов и продуктов.

Тарент показал родителям жены фотографии из тех, что нашел, просматривая утром отснятый материал. Он отобрал снимки Мелани, но по причинам, в которые не собирался вдаваться, их оказалось отнюдь не так много, как тесть и теща, возможно, ожидали. Зато остались тысячи других фотографий, уже без Мелани, многие дублировали друг друга, порой демонстрируя самые страшные жертвы ситуации в регионе, в основном детей и женщин. Десятки людей с ампутированными конечностями из-за подрыва на mine. Тарент фотографировал скелетоподобные тела, детей с больными глазами, истощенных женщин, мертвых мужчин. Поскольку Роско были медиками, он не испытывал приступов дурноты, показывая им все то, что видел. Огнестрельные раны, травмы, полученные в результате взрыва, обезвоживание, диарея, холера и тиф – вот самые популярные увечья и болезни, но были и новые ужасы, казавшиеся неизлечимыми, новые штаммы вирусов, различные бактерии. Во многих случаях люди умирали от голода раньше, чем болезнь бралась за них всерьез.

Тарент снимал воду – источники стоячей воды встречались так редко, что всегда удивляли. Он искал их специально: влажную почву под деревьями, грязную лужу, омерзительное болото, полное брошенных машин, ржавеющих бочек и трупов животных. Единственная река, протекавшая поблизости, превратилась в иссушенную колею из затвердевшей и потрескавшейся грязи, ближе к центру которой временами тонкой струйкой сочилась коричневая вода. В остальном на многие мили вокруг остались только пыль, ветер и трупы.

Энни очень понравилась одна из фотографий, на которой Мелани работала в клинике в окружении отчаявшихся местных жителей, ожидавших медицинской помощи. На снимке она казалась собранной, выдержанной и сосредоточенной. Перед ней неподвижно лежал маленький мальчик, пока Мелани разматывала длинный бинт на его голове. Тарент помнил обстоятельства, при которых сделал снимок. Это был день, не суливший ничего ужасного по шкале стандартных ужасов в клинике. Он оставался в здании вместе с женой, поскольку поступило предупреждение от одной из групп ополчения. Относительный покой нарушали мужчины с автоматами на балконе и во дворе, которые попеременно то угрожали персоналу, то умоляли дать им воды. То и дело два парня помоложе начинали палить в воздух. Вечером на пикапе привезли главу ополчения, раздался еще один залп, более затяжной, в знак приветствия. Приближался финал. Таренту осточертело рисковать ради фотографий, находиться тут, слышать, как поблизости раздаются выстрелы и взрываются мины.

Он молчал, пока Гордон сидел рядом с Энни, а та держала в руках планшет, на экране которого быстро мелькали фотографии.

Вечером того дня, когда был сделан этот снимок, Тибор с Мелани снова поругались. Как оказалось, это была их последняя ссора, так что между ними все закончилось гневом. Тарент помнил свое разочарование, не то чтобы разочарование самой Мелани, но сосредоточенное на ней. Ему просто хотелось все бросить и каким-то образом вернуться в Англию.

Он не мог больше выносить эту бесконечную убийственную жару, сцены отчаяния, самоуверенных и непредсказуемых боевиков, умирающих детей, угрозы, недоразумения и даже время от времени побои, не мог видеть женщин с синяками на бедрах, не мог терпеть полное отсутствие поддержки со стороны турецких властей, если таковые еще остались. Все твердили, что центральное правительство перестало существовать, однако благотворительные учреждения, финансировавшие их работу, должны были знать о случившемся. Одному в любом случае домой было не уехать, так что приходилось ждать эвакуации очередной группы сотрудников, но даже тогда он смог бы к ним присоединиться только вместе с Мелани. Тарент считал, что она ни за что не согласилась бы. Все зависело от того, когда с севера придет отряд новых волонтеров, однако пока не было ни единого намека, что кто-то в принципе придет.

В тот вечер Тарент не сомневался, что им придется торчать в этой клинике до бесконечности. В определенном смысле он оказался прав, поскольку это оказалась их последняя ночь вместе. Гибель Мелани настолько деморализовала остальных медиков и волонтеров, что они прекратили работу, оставив местных жителей на растерзание жаре, засухе и ополченцам.

Ее тела так и не нашли. Она выскочила на улицу после ссоры, кипя от ярости, и буркнула напоследок, что хочет побыть одна. Тарент ничего не ответил и позволил жене уйти. Размолвки всегда больно ранили обоих, поскольку за всеми их различиями скрывались подлинные узы любви и давней привязанности.

Тарент так сильно хотел сбежать из госпиталя в том числе и потому, что жизнь тут разрушала их отношения с Мелани. Но в тот день, зная, что муж беспомощно наблюдает за ней, Мелани натянула бронежилет из кевлара поверх сестринской формы, взяла винтовку, фляжку с водой и рацию, следуя правилам, но при этом покинула территорию в самое опасное время суток.

Когда где-то поблизости раздался взрыв, сотрудники, как обычно, устроили переключку, и тогда стало понятно, что Мелани нет на месте. Свидетелей нападения не нашлось, однако один из санитаров сообщил, что непосредственно перед взрывом заметил в том направлении яркую точку света, что-то в воздухе, чуть выше деревьев, такую ослепительную, что от нее заболели глаза. Все охранники и некоторые члены медицинской команды отправились на бронированных автомобилях узнать, что случилось. Тарент сидел в первом автомобиле и нутром чуял, что это, видимо, Мелани, что все уже кончено, но они обнаружили лишь выжженную почерневшую землю и никаких следов тела, так что сначала ее смерть посчитали неустановленной. Остался только странный гигантский шрам, вызванный взрывом, идеальный равносторонний треугольник, необъяснимый по форме для воронки, но ни крови, ни человеческих останков.

К концу следующего дня Тарент и все остальные понимали, что Мелани наверняка погибла. Даже если бы ей каким-то чудом удалось уцелеть во время взрыва, настолько мощного, что он, по-видимому, стер все в непосредственной близости, то она должна была получить сильнейшие травмы. Без медицинской помощи, без пресной воды и без защиты от дневной жары она бы просто не выжила.

2

Агенты из УЗД приехали на следующее утро. Они позвонили, сообщили, что через полчаса Тарент должен быть готов к выходу, и явились точно в назначенное время. Тибор все еще аккуратно запаковывал камеры, когда увидел, как перед домом остановился автомобиль.

Прощание с Гордоном и Энни Роско получилось куда более скомканным, чем им хотелось бы. Гордон пожал ему руку, а потом вдруг обнял, а Энни прижала к себе и заплакала.

– Мне ужасно жаль, что так случилось с Мелани, – пробормотал Тарент, снова растерявшись и не зная, как подобрать правильные слова или как сказать правду, и решил в итоге довольствоваться правдой: – Мы с Мелани все еще любили друг друга после стольких лет вместе.

– Я знаю, Тибор, и верю тебе, – тихо ответила Энни. – Мелани всегда говорила то же самое.

Тарент присоединился к агентам, ожидавшим его в машине. В этот раз за ним присматривали двое: мужчина в сером деловом костюме и женщина, закутанная в паранджу. За рулем сидела еще одна женщина, отделенная от основного салона стеклом. На дипломате, лежавшем на полке позади пассажирских кресел, красовалась эмблема УЗД, единственная зацепка, позволяющая идентифицировать этих людей.

Во время поездки мужчина не обронил ни одного неосторожного слова, а женщина и вовсе молчала. Большую часть времени она сидела лицом к Таренту, рассматривая его непроницаемым взглядом из своего кокона. Вскоре после того, как они отъехали от дома Роско, мужчина решил проинструктировать Тарента.

Ему сообщили, что его везут в Лондон, в квартиру, где он переночует, вручили ключ и сказали, где потом его оставить, когда на следующий день фотографа заберут. После этого его отправят в офис в Линкольншире, где от Тарента ждут детальный отчет о том, что происходило в Турции. Помимо прочего он должен передать оригиналы всех снимков. Тарент заартачился, поскольку заключил договор на внештатную работу со своим обычным агентством, но ему тут же коротко напомнили о соглашении, благодаря которому он получил разрешение сопровождать жену в командировке. Коммерческие права на фотографии останутся за ним, однако ему скажут, какие из снимков нельзя публиковать. И спорить тут бесполезно.

Затем агент удостоверился, что у Тарента нет с собой смартфона, и протянул ему новый. В отсеке, откуда он извлек его, лежало еще несколько точно таких же. Познакомившись с основными функциями аппарата, Тарент уставился сквозь слегка затонированное стекло на затуманенную долину Темзы. Пока он был в отъезде, в Британии прошло несколько ураганов, Гордон и Энни рассказали ему об особенно сильном шторме, который пронесся здесь всего неделю назад и вырвал с корнем тысячи деревьев на востоке и юге страны. Речь шла о так называемом умеренном шторме – продукте новой климатической системы с низким давлением. Визит к родителям Мелани напоминал теперь моментальный снимок его жизни, вернее два. Прошлые, первые годы брака, визиты вежливости, чтобы повидать родственников и провести время со старыми друзьями и коллегами Мелани. Те дни канули в прошлое. А вот уже обрывки воспоминаний посвежее: дом Роско, пересказ последних дней в клинике, обстоятельств смерти Мелани и внезапного возвращения в ИРВБ, Исламскую республику Великобритании. Между двумя этими точками столько всего случилось. Гордон и Энни видели лишь часть и мало знали об остальном.

Путешествие было медленным, несколько раз приходилось делать крюк и тратить время на объездные дороги из-за баррикад, кроме того, они дважды останавливались. Первый раз они сделали, как это назвал сопровождавший его мужчина, «перерыв на отдых» на автозаправке. Здесь дежурили вооруженные полицейские. Тарент хотел перекусить,

поскольку ничего не ел после легкого завтрака в доме родителей жены, но ему сказали, что на это нет времени. У него не было денег. Молчаливая женщина выдала ему несколько монет, Тарент сбегал к киоску и купил бутылку воды и нечто завернутое в целлофан с изображением орехов. Второй раз они остановились около безымянного здания, которое выглядело как административное, но не имело никаких опознавательных знаков на фасаде. Женщина в парандже здесь вышла, а вместо нее в машину сел еще один мужчина. Он был старше своего напарника не только по возрасту, но, судя по манерам, и по званию. Оба отсели от Тарента: один что-то печатал на ноутбуке, а второй медленно пролистывал кипу каких-то бумаг.

Еще примерно через три часа, когда, по расчетам Тибора, они уже почти наверняка должны были хотя бы подъезжать к Лондону, мужчина постарше начал названивать по мобильному. Он говорил на арабском, Тарент на этом языке не понимал ни слова, однако услышал несколько раз свою фамилию и догадался, что агент помоложе наблюдает за ним, возможно, пытается вычислить, понимает ли Тарент, о чем речь.

Они проехали через плотную застройку на подступах к столице. Молодой агент наклонился к кабине водителя, что-то тихо сказал, и почти сразу тонировка на всех окнах стала темнее, как и стекло между ними и кабиной, исключив возможность выглянуть наружу. Зажегся верхний свет, дополняя ощущение изоляции.

– Зачем вы это сделали? – спросил Тарент.

– Это вне вашего уровня допуска, сэр.

– Уровня допуска? Снаружи что-то секретное?

– У нас нет секретов. Ваш статус позволяет вам свободно перемещаться по дипломатическим делам, но вопросы национальной безопасности – это уже внутренняя политика.

– Но я британский подданный.

– Разумеется.

Автомобиль замедлил ход. Дорога стала неровной, и пару раз их здорово потрянуло. Тарент видел отражение своего лица в затемненном стекле, вздрагивающее каждый раз, когда машина подпрыгивала на ухабе.

– Где мы сейчас? Это вы мне можете сказать? Сколько еще ехать?

– Разумеется, сэр. – Агент постарше сверился с портативным электронным девайсом. – Мы в западном Лондоне и только что миновали Актон. Мы везем вас в квартиру, расположенную около Ислингтона, в Канонбери, но нам придется сделать небольшой крюк, а потом поедem прямо. Времени мало, нас предупредили, что очередной шторм, по-видимому, обрушится сегодня на юго-восточную Англию.

В этот момент у него заверещал телефон, настойчиво и пронзительно. Он ответил на звонок, что-то буркнул в знак согласия, а потом снова заговорил на арабском. Все еще прижимая трубку к уху, он кивнул напарнику, который постучал по стеклянной перегородке между ними и водителем. Лампа на потолке выключилась, тонировка стала светлее. Оба агента выглянули из машины с их стороны.

Тарент посмотрел в окно рядом с собой и несколько секунд изучал пейзаж. Почерневшая равнина, плоская и безликая, простиралась насколько хватало глаз. Больше ничего не было – все стерто с лица земли, уничтожено, аннигилировано. Если бы не тот факт, что он видел еще и полосу неба, в котором ярко блестело низкое солнце, то Тарент решил бы, что окна автомобиля по-прежнему затемнены.

Он видел подобное и раньше, но в куда меньшем масштабе. Место гибели Мелани выглядело точно так же.

Тарент повернулся к сопровождавшим, ища объяснений, но успел лишь мельком увидеть лоскут неба с их стороны – темный, угрожающе-пурпурный. Там уже расплзались тени, а с его стороны опустошенный пейзаж купался в ярком солнечном свете.

Стекло быстро потемнело, снова закрывая ему обзор.

3

С хмурого неба лил сильный дождь, когда автомобиль остановился рядом с многоквартирным домом на Канонбери-роуд. Массивная машина сотрясалась от порывов ветра. Агенты проводили его до дверей, но сами в здание не вошли. Тарент стоял у входа, наблюдая, как они заторопились обратно к автомобилю, шлепая по зыбкой ряби воды, расплесканной по улицам.

Хотя сам дом был старым, квартиру недавно обновили. Когда Тарент включил свет, то обнаружил чистое, пригодное для жизни пространство со всеми современными удобствами. Он поставил сумки, радуясь возможности следующие несколько часов побыть в одиночестве. Упал в кресло и взял пульт от телевизора.

Всемирная метеорологическая организация окрестила надвигавшийся шторм «Эдуардом Элгаром». Это Тарент узнал, включив телевизор, и хотя внешние кольца облаков уже дотянулись до Лондона и юго-востока Англии, но в эпицентре столица должна была оказаться только под утро. Ожидалось, что шторм по силе будет третьего или четвертого уровня. По телевизору без конца предупреждали, что необходимо найти укрытие и не выходить на улицу. Ждали ветра ураганной силы, наводнения и разрушения были практически неизбежны. Чтобы проиллюстрировать сообщение, телеканал показывал съемки шторма четвертого уровня «Даниэль Дарьё», произошедшего ранее. Он ударил по Ирландии, пронесся по Уэльсу, а потом направился на восток в сторону Линкольншира, прежде чем переместиться в Северное море. В итоге он достиг холодного мелководья на побережье Норвегии. Снежные бури отрезали от мира норвежский город Орскнес. В Европе стояло лишь начало сентября.

Тарент заглянул на кухню. Холодильник работал, но нормальной еды там не оказалось, только бутылка скисшего молока, пачка маргарина, три яйца и половина недоеденной плитки шоколада. Тарент проголодался. Когда он подошел к окну, выходившему на Канонбери-роуд, то обнаружил, что дождь прекратился, и решил попробовать найти какой-нибудь ресторан или по крайней мере гастроним, где можно купить чего-нибудь, чтобы пережить вечер. Оказавшись на улице, Тарент понял, что почти все закрыто. В большей части зданий не горел свет или же были закрыты ставни. Единственный ресторан по соседству оказался заперт, зато через две улицы обнаружился маленький продовольственный магазинчик, правда, трое мужчин в спешке заколачивали досками окна. Тарент нашел готовый ужин, который можно было разогреть, но хозяин магазина предупредил, что вероятны перебои с энергией. Подумав, что он здесь всего на одну ночь, Тибор купил две булочки, готового цыпленка и пару апельсинов. Он слишком поздно вспомнил, что у него почти нет с собой налички, однако хозяин магазина принял карточку.

Стоило ему выйти на улицу, как отключили электричество.

Когда он вернулся, квартира погрузилась во тьму, не работали ни холодильник, ни плита. В итоге света не было до конца его пребывания на Канонбери-роуд, которое вместо одной ночи растянулось больше чем на двое суток. Тарент не мог покинуть квартиру. Шторм обрушился со всей силой, как и обещал прогноз погоды, в первую же ночь, примерно в половине третьего. Старый дом был построен на совесть и практически не пострадал от сильных ветров, проливных дождей и пролетающих с шумом обломков, но Тарент замерз и проголодался. В маленьком шкафчике на кухне он обнаружил две закрытые банки консервов (фруктовый салат и мясо с перцем чили из местного супермаркета) и растянул их, насколько возможно. Без электричества не работали радио и телевизор, а цифровая сеть, которой он пользовался до отъезда в Анатолию, приказала долго жить. На второй день батарея нового смартфона истощилась, и не было никакого способа подзарядить ее.

Выйти на улицу Тибор тоже не мог. Час за часом он проводил, сидя у окна, в страхе глядя на Канонбери-роуд и на то, как яростные порывы ветра проносились по улице, таща с собой воду и мусор, налетая на бетонные стойки, которые перегораживали проезжую часть, и выплескивая целые водопады на стены старых зданий. В первую же ночь разрушилось небольшое офисное здание прямо напротив окна его квартиры, и порывы ветра размели обломки по округе. Листы металла, кабели, части автомобилей, дорожные знаки, ветви деревьев непрерывно летали по улице, усиливая какофонию от рева бури. Видеть бесконечные разрушения было неприятно, но визг ветра вызывал подлинный ужас. Казалось, он не унимался и не изменялся, разве что становился все хуже. Тарент редко чувствовал себя таким одиноким или уязвимым, как в эти два дня и две ночи. Ему не было труднее, чем другим, ну, или так казалось, и в какой-то мере это служило утешением. Он не пострадал от ужасного ветра, находился в безопасности и сухости и подозревал, что пережил шторм легче многих. Здание осталось целым, окна не выбило, по крайней мере в его квартире, которая располагалась слишком высоко над улицей, чтобы ей как-то угрожало наводнение.

На вторую ночь он задремал на пару часов, а когда проснулся на рассвете, то оказалось, что каким-то чудом возобновилась подача электричества. Мобильник заряжался – Тарент оставил его воткнутым в розетку на случай, если снова дадут свет. Тибор вытащил всю несъеденную пищу из холодильника, выкинул ее, а потом набрал оставленный ему номер и назвал кодовое слово.

Ему сказали, что «Мебшер» в данный момент движется через северный Лондон, и сейчас машину быстро развернут в сторону Ислингтона, чтобы забрать Тарента. Его местонахождение известно. Тибору оставалось только ждать, пока телефон не примет закодированное послание, тогда на улице рядом с домом будет стоять транспортер для перевозки личного состава.

Он снова подключил телефонную зарядку к сети и менее чем через три часа дождался сообщения. Когда он спустился, «Мебшер» уже ждал его. Вода начала потихоньку спадать, но все равно доходила почти до середины огромных колес. Тарент вброд добрался до выдвижной лесенки, залез внутрь – с ног и ботинок капала вода – и сел.

4

Изначально «Мебшер» разработали для военных нужд – транспортировки войск и боевой техники через враждебную территорию в транспортном средстве, которое могло выдерживать почти все формы атак, в том числе удары из РПГ и самодельных взрывных устройств. Поскольку ситуация в мире ухудшилась, бронетранспортеры все чаще использовали гуманитарные организации и государственные учреждения, так что появились и гражданские варианты.

Тарент был уже знаком с ними, поскольку в засушливых регионах, вроде Восточной Анатолии, где повстанцы скитаются по холмам, «Мебшеры» стали транспортным средством первой необходимости. Внутри машины все было довольно утилитарно: металлические поверхности красили в тусклый серый цвет или обходились вовсе без краски. Видимость изнутри была ограниченной, немногочисленные окна больше походили на бойницы из толстого ударопрочного стекла. Количество и тип сидений незначительно отличались от машины к машине, а внутреннее оборудование обычно оказывалось или примитивным, или сломанным, или просто не работало.

Тарент занял место рядом с одним из крошечных окошек. Он извинился перед тремя пассажирами, уже сидевшими в «Мебшере», затащив дорожную сумку и футляры с оборудованием через узкую дверь, с его ног натекли целые лужи воды. Остальные коротко поздоровались с ним. Транспортёр тронулся почти сразу, стоило Таренту сесть. Несколько минут он возился с багажом, запихивал сумку на полку позади сиденья, раскладывал камеры поближе к себе и пытался найти свободную подушку, но тщетно, так что он вытащил из багажа полотенца, свернул в рулон и, положив их под затылок, прислонился головой к металлической стенке, закрыл глаза и попытался расслабиться. Машина постоянно покачивалась и тряслась, но без резких толчков, поскольку ее специально разрабатывали для движения по пересеченной местности. Таренту было плевать на неудобства, он просто хотел, чтобы его отвезли туда, куда положено, а до тех пор не желал что-либо делать или о чем-либо думать. Постепенно мокрые голени и ступни начали просыхать.

Как обычно, внутри было шумно. Огромные турбинные двигатели теоретически окружал слой звукоизоляции, но до пассажиров постоянно доносился ревуший вой. Система внутренней селекторной связи с водительской кабиной, скрытой от пассажиров в передней части транспортного средства, была включена. Слышались голоса двух водителей, общавшихся между собой с акцентом, выдававшим в них уроженцев Глазго. Время от времени в их диалог вклинивался еще один голос по радиосвязи, визгливый от помех.

Тарент подремал около часа, хотя по-настоящему поспать было нереально, он постоянно чувствовал, что происходит вокруг. Когда он открыл глаза, то впервые толком осмотрел остальных пассажиров. С ним ехали двое мужчин и женщина.

Один из мужчин устроился отдельно на переднем ряду с ноутбуком, подключенным по кабелю, а на соседних сиденьях разложил бумаги. У него были седые волосы, а под одеждой угадывались мускулы. В небольшой микрофон, каким-то образом закрепленный на челюсти, он зачитывал, бубня вполголоса, данные из документов и с монитора, развернув его под таким углом, чтобы остальные не могли ничего увидеть. Говорил он на каком-то языке распознавания, применяемом в определенном типе программ, не на английском и не каком бы то ни было из существующих европейских языков, а на жаргоне машин, на диалекте кодов.

Второй мужчина и женщина, похоже, путешествовали вместе: они сидели рядом перед Тарентом и время от времени тихо переговаривались. Когда Тарент пристально на них уставился, мужчина слегка отвернулся от женщины, натянул черную маску для сна и воткнул

в уши наушники. Когда он расслабился, его голова склонилась вперед, покачиваясь в такт постоянным потряхиваниям «Мебшера».

Тарент разглядывал пассажирку. Он пока что не видел ее лица. Оно было наполовину скрыто то ли платком, то ли шалью, но не настоящим хиджабом – уступка, которую сделали многие западные женщины исламу. Женщина пока что ни разу не взглянула на него и даже не показывала, что в курсе его присутствия в паре рядов от нее, но он ощущал, как настороженно она относится к нему, как и он к ней. Волосы длиной до плеч частично выбивались из-под шарфа, напомнив Тибору о Мелани.

Разумеется, он вновь стал думать о Мелани, о том, что при первой встрече так привлекло его в ней. Волосы, прямые и густые, не слишком длинные, но красиво обрамлявшие лицо. Ему просто понравилось, как она выглядела, и в тот день в Бракнелле, едва закончив съемку, Тарент завязал с ней разговор. Тогда они сразу нашли общую тему для разговора, и так между ними возникла первая, пусть и поверхностная связь, – оба были наполовину иностранцами.

У Тибора отец – американец, мать – венгерка, он родился и воспитывался по большей части в Англии, ощущал себя британцем, но с разоблачающим именем, да и отец его говорил с неистребимым акцентом Восточного побережья США. Мелани же была отдаленной наследницей иной культуры. Ее дедушка перебрался в Британию из Польши после Второй мировой войны, женился на местной девушке и изменил фамилию Рошка на Роско. Сына Гордона они воспитывали так, что он не догадывался о своем польском происхождении и узнал о нем из семейного архива лишь после смерти отца. Мелани и того меньше знала о своих корнях, она считала это забавным и неважным и никогда всерьез о них не задумывалась до встречи с Тарентом. Тем не менее он почти сразу обратил внимание, что некоторые из друзей ласково зовут девушку «Малиной» или сокращенно «Малли». Так по-польски называлась ягода, пояснила Мелани, тихо ругнувшись. Через несколько месяцев после встречи они поженились.

Куда меньше Таренту нравилось его собственное происхождение, из-за которого он привык считать себя не таким, как все, чужаком. Все свое детство он прожил с этим чувством, причем оно усилилось еще больше, когда отца убили в Афганистане при обстоятельствах, которые никто так и не объяснил, даже Государственный департамент США, где тот работал. Тибору тогда было всего шесть лет. Бронированный джип, в котором ехал отец, подорвался на mine, что само по себе понятно, подобное происходило сплошь и рядом, а вот почему он вообще оказался в таком опасном месте, да еще и в горах, так и не установили, по крайней мере не поставили в известность родных. Официально отец считался дипломатом, но на самом деле был куда больше, чем просто дипломат, ну, или меньше. Там происходило что-то еще, кроме дипломатии, из-за чего он и оказался на горной дороге, не в то время и не в том месте.

Мать Тибора Луция, тоже дипломат, после этого осталась в Британии. Она была атташе по культуре в венгерском посольстве в Лондоне, поэтому никогда не оказывалась в такой опасности, как ее муж, но тоже умерла от рака груди, когда сын заканчивал университет.

Ощущение чужеродности у Тарента отошло на задний план, когда они с Мелани начали вести более или менее нормальную семейную жизнь. Дети у них так и не появились. Она трудилась в лондонском госпитале, а вот из-за своей работы фотографом-фрилансером Тибор часто уезжал от жены на неделю, а то и больше. После десяти лет в Лондоне Мелани почувствовала, что на ней сказывается тяжелая рутинная работа в больнице. Она вступила в организацию «Врачи без границ», новое занятие ей нравилось, но теперь из-за работы часто не виделась с мужем, иногда несколько недель подряд. Брак затрещал по швам. Поездка в Западную Анатолию, но уже не с «ВБГ», а с другой гуманитарной организацией, созданной британским правительством, стала отчаянной попыткой супругов восстановить былое.

Тарент посмотрел в окошко из ударопрочного стекла. Пока он дремал, «Мебшер» проехал приличное расстояние, поэтому за окном виднелся пейзаж, похожий на сельский: живые изгороди вдоль дороги и лужайки, поросшие травой. Однако поле зрения было ограничено, так что это вполне мог оказаться и парк в черте города. Тарент увидел два дерева. Одно накренилось под углом, и его верхние ветви переплелись с ветвями соседа, но листьев на обоих почти не было.

Тарент прижался к стеклу, стараясь увидеть как можно больше. Чем дольше он смотрел, тем больше подмечал повсюду последствия урагана. Там, где ветер ободрал незащищенные поля, почва и грунт обнажились, Тарент сразу вспомнил о выжженном и пустынном пейзаже Анатолии. Временами «Мебшер» проезжал мимо домиков или внушительных зданий, и большинство из них тоже несли на себе следы разрушений. Они миновали спасателей, которые убирали поваленные стволы и толстые ветки или же куски каменной кладки, обрушившейся на дорогу. Транспорт замедлял ход, переваливаясь через препятствия. Картину часто дополняло наводнение, вода уже обмелела, но зато повсюду осталась грязь. Вонь от сточных вод пробивалась даже через фильтры системы кондиционирования в машине.

Тарент потянулся к одному из футляров, который поставил у ног на полу, и ловким движением вытащил оттуда «Кэнон». Он попытался выровнять изображение через искривленное стекло, сфокусировать картинку. Фотоаппарат казался естественным продолжением его руки, лежал в ней как влитой, словно тонкая перчатка, облегающая кисть. Тарент сделал пару снимков через окошко, но понимал, даже просто спуская виртуальный затвор, что фотографии получатся не слишком хорошими. Кабина сильно тряслась, да и в толстом стекле имелась куча дефектов.

Когда он опустил фотоаппарат, то увидел, что женщина перед ним повернулась и наблюдает за ним. Тибор впервые увидел ее лицо, и на Мелани она совсем не походила.

– Сильный ущерб от урагана, – зачем-то пробормотал он.

– У вас есть разрешение на фотоаппарат?

– Это моя работа.

– Я спросила, есть ли у вас разрешение на ношение фотоаппарата? – Она посмотрела на него пристальным официальным взглядом.

– Разумеется. – Он развернул камеру задней крышкой и протянул женщине. Там был выгравирован официальный номер предмета снабжения. Интересно, как она вообще узнала, что он фотографировал, ведь сидела отвернувшись, а аппарат работает бесшумно. – Я профессиональный фотограф. У меня три камеры и три лицензии.

– Нам сказали, что вы – член дипломатического корпуса, закреплены за УЗД.

– Я путешествую по дипломатическому паспорту. Только что вернулся домой из-за границы, – коротко объяснил он способ, благодаря которому стала возможной поездка с Мелани. Сотрудникам без диплома медика не разрешали выезжать за границу, даже супругам. Им нужна была Мелани с ее образованием и опытом, но она недвусмысленно дала понять, что без Тарента никуда не поедет и займет другую должность. Решение нашлось – временный паспорт, который, к тихому удовольствию Тарента, открывал доступ почти ко всему, что нужно. Спешное возвращение в ИРВБ не было бы возможно, если бы не паспорт и не статус, который он давал.

– Если вы не дипломат, то должны сдать документы, – сказала женщина.

– Но я все еще выполняю государственное поручение.

– Для этого паспорт не нужен. Я могла бы аннулировать его онлайн прямо сейчас.

– Прошу вас, не делайте этого. Возможно, мне снова придется ехать за границу. Мою жену убили, но тела так и не нашли. Может быть, придется опознать ее.

– Вы про женщину, убитую в Турции? Медсестра Тарент?

– Да. Откуда вы знаете?

– Слышала. Она была госслужащим. – Женщина снова отвернулась от него.

Тарента разозлило ее излишнее любопытство, да и навязчивые манеры вызвали раздражение, но он впервые смог рассмотреть пассажирку. У женщины было сильное лицо с приятными чертами: решительная челюсть, широкий лоб, темные глаза. Ему не понравились нахмуренные брови и лишенное чувства юмора ощущение власти над ним. Тарент даже подумал, что она из полиции, однако закон предписывал всем офицерам представляться в беседе с рядовыми гражданами. Если она коп, то не значит ли его присутствие в правительственном «Мебшере», что его временно исключили из категории «рядовых граждан». С другой стороны, возможно, она все же не из полицейских.

Тарент так и держал легкую камеру в одной руке, слегка прикрыв ладонью другой. Медленное путешествие продолжалось. Через несколько минут один из водителей включил трансляцию последних известий Би-би-си в пассажирском отсеке, но в новостях почти ничего не говорили ни об урагане, ни о его последствиях. Большую часть выпуска посвятили встрече глав Эмиратов, которая должна была состояться в Торонто. Новости Таренту быстро наскучили, и он снова стал смотреть в маленькое окошко. Но после политики очередь наконец дошла и до урагана.

Сообщения не радовали. Несколько южных английских графств пострадали от урагана и наводнений, ставших результатом штормового нагона, но большая часть воды уже ушла в почву, особенно в городах и вдоль побережья Ла-Манша. Сильнее всего досталось Эссексу. Уровень рек, не имевших выхода в море, поднялся, они вышли из берегов и прорвали дамбы, отрезая от мира города и деревни, выводя из строя линии электропередачи и заболачивая подстанции. Многие ветровые турбины были повреждены или выведены из строя. Генераторы приливной электростанции архипелага Эссекс работали на пониженной мощности или вовсе отрубались. Тарент, памятуя о той стране, откуда только что уехал, где почти не было пресной воды, представил себе городские улицы ИРВБ, превратившиеся в каналы, тишину, что окутывает все вокруг после любого наводнения, ленивый плеск утекающей воды и распространяющееся вокруг зловоние от грязи, нечистот и гнили.

А надо всем этим сейчас сияло чистое и безоблачное ярко-синее небо. Остатки штормовых завихрений откатились на восток через Северное море, и ураган, зародившийся в теплых водах Атлантики у Азорских островов, сгинул прочь. Официально считалось, что ИРВБ ураганы не опасны, они бушевали слишком далеко на севере и на востоке, поэтому здесь назывались «умеренными штормами». В новостях говорили, что «Эдуард Элгар» оказался не таким сильным, как все боялись, но тем не менее оставил после себя множество разрушений.

Очередной умеренный шторм «Федерико Феллини» уже пересекал Бискайский залив, набирая мощь, но пока что были непонятны ни его сила к тому моменту, как он достигнет Британии, ни маршрут.

Радио с громким треском выключилось.

Тарент заскучал и начал рассматривать пассажирский отсек. Большая часть путешествия в Турцию прошла в таких бронетранспортерах: Тибора и Мелани забрали в Париже, отвезли в «Мебшере» в Италию, где их ждал поезд до Триеста, а потом очередной долгий перегон в броневике через Балканы. Путешествие внутри машины, из которой нельзя было выйти, оказалось очень скучным. Ты, конечно, чувствовал себя в безопасности благодаря броне, но при этом становился более уязвимым, поскольку при виде медленно движущегося транспорта для перевозки личного состава повстанцы испытывали слишком сильный соблазн. Когда конвой пересекал Сербию, парочка молодчиков открыла по нему огонь из РПГ. Первый выстрел ушел в молоко, зато второй снаряд попал прямо в бронированный борт. Звук взрыва был оглушающим, Тарент до сих пор мучился от шума в ушах, но «Мебшер» серьезно не пострадал. Пассажиры – он, Мелани и два доктора – отделались легкими

ушибами и порезами, когда их жестко трянуло внутри кабины, но ничего страшного не произошло. После этого уже никто не жаловался на тесноту, безжалостную жару, шум, невкусную однообразную еду. Они продолжили путь в напряженном молчании, опасаясь новой атаки.

По крайней мере у британских банд, которые частично контролировали сельскую местность, были лишь автоматы, а не гранатометы. Да и температура внутри «Мебшера» в летние месяцы в Британии казалась вполне терпимой. Совсем другое дело в более жарком климате, где солнце нагревало металлический корпус с такой силой, что не давало даже охладить двигатель. Правда, с другой крайностью «Мебшеры» тоже справлялись плохо. Через три с лишним недели, когда ударят первые морозы, отопление в машинах постарше будет с трудом справляться с холодом. Сентябрь в южной Англии уже становился настоящей проблемой, именно по нему проходила граница между климатическими сдвигами, между двумя явными климатическими угрозами.

Наконец бронетранспортер добрался до Бедфорда, оцепленного города, где находилось автономное местопребывание правительства, или АМП, в случае государственного кризиса. Тарент с любопытством смотрел в окошко, искажающее действительность, размышляя, как тут все будет выглядеть в новом качестве, но Бедфорд остался таким же, каким Тибор помнил его по прошлому приезду несколько лет назад. Теперь они уже удалились на приличное расстояние от зоны штормовой атаки, и никаких разрушений вокруг не было.

Тарент и его спутники переночевали в гостинице МВД – комплексе, основная часть которого скрывалась под землей. Где-то поблизости находилась железнодорожная станция, ею, по-видимому, продолжали пользоваться. Больше ничего они толком рассмотреть не успели, шагая от «Мебшера» к зданию по вечерней прохладе.

Тарент ощутил облегчение, когда его поселили в одноместный номер, поскольку не хотел делить комнату с незнакомцем. Снова пригодился его дипломатический паспорт. Тибор все волновался, что кто-то, вроде женщины, ехавшей перед ним, может аннулировать документ дистанционно, но пока сканирование прошло без сучка без задоринки.

Его заселили в комнату чуть побольше клетки, расположенную глубоко под землей. Однако вентиляция работала исправно, и сама комната была чистой и аккуратной. В коридоре пахло просроченной едой, краской, ржавчиной и сыростью. Тарент нашел столовую на том же этаже, досыта наелся, сжевал какой-то фрукт, а потом вернулся к себе в номер с пакетом охлажденного свежего молока. Тибор рано отправился в постель, но спал плохо. Всю ночь кто-то хлопал дверями, в коридоре раздавались голоса. Вентилятор монотонно жужжал без остановки, а рано утром кто-то медленно прошелся по этажу с включенным пылесосом. Тарента подняли ровно в семь.

5

Он первым забрался в «Мебшер». Когда загружались остальные, то едва взглянули в его направлении, но коротко кивнули из вежливости. Последней зашла женщина. Когда она пролезала через узкий армированный люк, то зацепилась обо что-то сумкой на плече. Потянувшись назад, чтобы освободиться, она на миг посмотрела на Тарента в упор, но как только справилась с затруднением, тут же отвернулась, ничего не сказав.

– Доброе утро, – поздоровался Тарент, когда она уселась перед ним, но женщина не ответила. Она открыла сумку, явно желая удостовериться, что ничего не вывалилось.

Скоро они снова отправились в путь. Как только «Мебшер» медленно выехал из центра города, один из членов экипажа заговорил по громкой связи. Это было стандартное приветствие: Ас-саламу алейкум¹, Аллаху акбар², добро пожаловать снова на борт, пристегните ремни и не отстегивайтесь в течение всей поездки, еда доступна в служебном отсеке, но помните, что алкоголь на борту не разрешен, пожалуйста, следуйте указаниям членов экипажа в чрезвычайных ситуациях, Иншаллах³. Короткая остановка для дозаправки запланирована примерно через час. Кроме того, член экипажа добавил, что возможны короткие остановки, если требуется молитва-намаз, и это не только не запрещено, но и всячески поощряется, правда, предупредить необходимо минимум за час, чтобы они добрались до ближайшей мечети или сделали остановку и разместили «Мебшер» должным образом⁴.

Обоих водителей Тарент видел вчера, когда забирался в «Мебшер». Молодые квалифицированные сержанты, по-видимому, прошедшие хорошую подготовку. Оба служили в Королевском хайлендском полку «Черная стража»⁵, вежливые и проникательные, искренне пытавшиеся удовлетворить потребности пассажиров во время долгого и некомфортного путешествия.

Транспорт двинулся в северном направлении и довольно быстро выехал на равнины Кембриджшира. Тарент пытался хоть что-то рассмотреть в окошко. Через два часа водители припарковались в депо, чтобы зарядить аккумуляторы и пополнить запасы биотоплива. Женщина, сидевшая впереди, спустилась к маленькой стойке обслуживания под пассажирским отсеком и вернулась оттуда с двумя пластиковыми стаканчиками кофе: один для себя, а второй для мужчины, вместе с которым путешествовала. На Тарента она даже не взглянула.

Подумав о том, что на обед нужно будет все-таки что-то съесть, но, как и остальные пассажиры, не испытывая особого желания карабкаться вниз по крутой лестнице в движущемся «Мебшере», Тарент спустился в служебный отсек и взял из холодильника пару сэндвичей и салат в вакуумной упаковке.

Он вернулся на свое место и снова уставился через узкую полосу армированного стекла. С этого места внутри ангара для подзарядки видно было как минимум с десятков упавших деревьев, которые до того росли вдоль дороги. Может, их повалил ураган, о котором упомянули родители Мелани. Комья земли, окружавшие корни, стояли перпендикулярно – огромные косматые диски из почвы и корешков. На дороге и во дворе станции подзарядки все еще лежал ковер из листьев, мелких кустарников, веток и прочего мусора. Тарент с инте-

¹ В переводе с арабского «мир вам», арабское приветствие, укоренившееся в исламе и используемое мусульманами разных национальностей (*здесь и далее примечания переводчика*).

² Такбир, то есть возвеличивание Аллаха, в переводе с арабского означает «Аллах – великий».

³ Ритуальное молитвенное восклицание, используемое в мусульманских странах как знак смирения мусульманина перед волей Аллаха.

⁴ Для намаза необходимо выбрать чистое место, кроме того, мусульманин совершает намаз лицом в сторону Каабы в Мекке.

⁵ Полк получил свое название, поскольку мундиры шьются из темной шотландки.

ресом рассматривал целые тонны древесины и растительности, которые видел на клочке дороги и в условиях ограниченного обзора. Наверное, вся южная Англия покрыта вырванными с корнем и сломанными из-за ураганов деревьями. Любопытно, что случится с ценным материалом, когда наконец его уберут.

Такой интерес к переработке древесины у Тарента возник из-за последнего задания, которое он выполнил за две недели до злополучного визита в Турцию с Мелани. Снимать пришлось в центральной Испании. Он освещал проект ДИУ, «Древесный Уголь Испании». Испанские власти создали обширную сеть теплогенераторов с отрицательным уровнем эмиссии углерода, работающую на больших объемах древесноугольной биомассы. Всю золу закапывали в землю, возвращая углерод в почву, а не в атмосферу. В долгосрочной перспективе программа могла вернуть плодородность сотням тысяч гектаров земли, которые в начале двадцать первого века превратились в пустыню.

На фоне усугублявшейся экологической катастрофы испанский проект внушил Таренту оптимизм, чувство, что еще не все потеряно. Глядя на поваленные деревья вокруг, Тибор надеялся, что жители Британии не настолько недалёковидны, что они не просто сожгут органический мусор, остающийся после ураганов, и не свалят его где-нибудь гнить. ДИУ был до сих пор единственным крупным проектом такого рода в Западной Европе, однако огромные комплексы биоугольных электрогенераторов, работавших по принципу возвращения углерода в почву, были созданы в Китае, Украине, России, Индии, Бразилии и Австралии.

Однако Тибор понимал, что во многих местах климатические условия были настолько экстремальными, а жители так мало разбирались во вторичном использовании отходов, что до сих пор прибегали к старым и неэкономным способам.

Тарент устроился на сиденье с тоненькой обивкой как можно удобнее, приготовившись к долгим часам поездки, наверняка ожидавшим впереди. Скука была настоящим врагом, от нее в голове царила пустота и на ум начинали упорно лезть мысли, которые Тибор в нормальном состоянии сразу гнал прочь. После смерти Мелани прошло всего несколько дней, но они были вместе больше двенадцати лет, и, хотя в конце все разладилось, он пока не понимал, как сможет жить дальше без нее.

Очевидно, ошибкой стало само решение поехать вместе с женой в Турцию. Как только они прибыли в полевой госпиталь, Тарент понял, что в лучшем случае он тут просто не нужен, а в худшем – мешает работе. Он возился с фотоаппаратами, как можно чаще выбирался на съемки, однако госпиталь неизбежно привлекал к себе внимание, шли недели, и выходить наружу становилось все опаснее. Вскоре он уже был практически заперт в четырех стенах больницы или в пределах ее территории. Мелани это бесило, он без конца маячил перед глазами, постоянно раздражал, что очень сильно навредило их отношениям.

Поездка в Анатолию была их первым совместным путешествием за границу, и сначала опыт их сблизил. Они долго ехали по мрачной сельской местности, мимо бесплодных склонов и высохших озер и рек. Увидели поразительное свидетельство климатических изменений: внезапные разрушительные бури, которые приводили к ливневым паводкам и грязевым оползням, ослепляющую духоту, сгоревшие поля, почерневшие после пожаров леса. Все это вставало перед глазами, пока они ехали через южную Францию, по Провансу, вдоль средиземноморского побережья, – «Мебшер» медленно вез их в северную Италию. В дороге они провели больше месяца, после чего их группа объединилась с другой медицинской бригадой УЗД в Триесте. Там все отдыхали три дня, а потом конвой из «Мебшеров» отправился через опасные горы Балкан. Еще четыре недели ушло на то, чтобы добраться до больницы в восточной Анатолии, где уже кипела работа. Сотрудники, которых они сменили, тут же уехали обратно. Изредка в госпиталь прилетали частные вертолеты, привозя грузы за бешен-

ные деньги, но благодаря им врачи смогли проработать пять месяцев, на два месяца дольше, чем изначально ожидали, но ближе к концу пребывания в Турции стало невыносимым.

После дозаправки «Мебшер» отправился в путь, но теперь двигался заметно медленнее, чем раньше. До следующей остановки прошло два часа. Тарент снова сходил вниз и взял еще еды и чашку кофе. Никто из остальных пассажиров не отреагировал на предложение принести напитки и им, поэтому он молча вернулся на место.

Спутники его тихо раздражали. Они постоянно игнорировали Тарента, хотя, признаться, и между собой практически не общались. Он все еще не мог понять, путешествуют они вместе или по отдельности, хотя все явно работали в одной государственной организации или же на схожих должностях, но в разных ведомствах. Мужчина, который сидел отдельно от остальных на переднем ряду, или сосредоточенно пялился на экран своего ноута, или ненадолго засыпал. Иногда он говорил по мобильному, что указывало на его высокий статус, поскольку внутри «Мебшера» запрещалось пользоваться почти всеми системами цифрового доступа, они сбивали сложное электронное оборудование, обеспечивавшее защиту бронетранспортера. В любом случае сквозь толстую броню обычно сигналы не пробивались, но этот парень подсоединил мобильный по какому-то кабелю, благодаря которому, похоже, и получил доступ к сети. Когда утром они загружались в Бедфорде, Тарент мельком увидел идентификационный чип агента ЦРУ и услышал акцент Новой Англии. Мужчина был высоким, его густые седые волосы были коротко подстрижены, а лицо настолько лишено даже намека на улыбку, что Тарент не мог припомнить, когда видел подобное. Этот человек был настолько поглощен своими мыслями, что напоминал черную дыру, нейтрализовавшую любую попытку контакта.

Два других пассажира, как все еще казалось Таренту, ехали вместе, хотя сегодня сидели порознь. Личные отношения их, похоже, не связывали. Мужчина был старше женщины. Тарент большую часть дня видел лишь их затылки: черные волосы мужчины, редющие на макушке, и темно-русые – женщины, скрытые платком. Там, где тот задирался, около левого уха, виднелась небольшая полоска кожи. Когда «Мебшер» подпрыгивал на кочках, их головы раскачивались и соприкасались. Порой женщина поднимала руку и теребила пряди волос, заправленные за уши.

Тарент пару раз тайком снял своих спутников. На одном снимке он запечатлел профиль женщины и ее типичный жест: голова чуть наклонена вперед, глаза закрыты, а палец приподнимает край платка, касаясь волос.

Она все еще напоминала Таренту Мелани, хотя он этого не хотел. Мелани вызывала чувство вины, ощущение потерянных впустую лет и невозможность что-либо исправить. Ей тридцать восемь лет, вернее, было до прошлой недели. Воспоминания постоянно возвращались, сводили с ума. Порой Таренту казалось, что он слышит ее голос, пытающийся пробиться через шум двигателя. Ее запах все еще ощущался на его коже, или так он думал.

Накануне гибели Мелани они ночью занимались любовью, как это случалось порой после ссоры. Но близость не принесла удовлетворения ни ему, ни ей. Кровать была слишком узкой, стены в комнате – предательски тонкими. А еще стояла жара. Жара и влажность, без конца, без вариантов. Они попытались без слов сказать друг другу, что все еще вместе, хотя оба понимали: это не так. После нескольких лихорадочных минут физического и сексуального напряжения между ними возникла привычная дистанция, нет, не настоящая преграда, а болезненное и знакомое напоминание, насколько хрупким стал их брак.

Лежа в темноте, они предавались хорошо знакомой мечте о том, как вернутся в Британию, возьмут отпуск, отправятся в дорогой отель Лондона или какого-то другого большого города и потратят заработанные деньги на несколько ночей эгоистичной роскоши. Но этому не суждено было случиться, они прекрасно все понимали, хотя понятия не имели, какую беду принесет следующий день.

Она злилась на него, он – на нее. Но как вообще можно злиться на медсестру? Тарент научился сразу нескольким способам – таков защитный механизм. Его собственная профессия – степень по энвиронике⁶ – вроде бы была востребованной. Но после университета Тарент выяснил, что неопытный пиролог⁷ никому особо не нужен. После года в Штатах Тарент вернулся в Британию, страну разрывали политические и социальные потрясения, сопровождавшие основание ИРВБ. Работы не было, поэтому он переметнулся в фотографию, сначала трудился вместе с другом по университету, а потом решил стать внештатным фотографом. Именно этим он и занимался, когда познакомился с Мелани.

Как-то раз она сказала, что фотосъемка – это пассивная деятельность, только восприятие и невмешательство. Фотограф запечатлевает события, но никогда не влияет на них. Мелани считала любую непрактичную и неактивную деятельность нецелесообразной. Такая у нее была функция, но не у него. Тарент защищался, как ему казалось, с пылом, но Мелани назвала его попытки вялыми. Фотография – это форма искусства, без энтузиазма заявил он. У искусства нет практической функции. Оно просто есть. Оно информирует, показывает или просто существует. Но искусство может влиять на мир. Мелани рассмеялась и потянула вниз ворот рубашки, демонстрируя плечо. Именно сюда какой-то психопат из пациентов вонзил в ее тело загрязненную иглу, пытаясь заразить тем, чем болел сам. Это был ее трофей, ее личная награда за активность.

– Ну, фотографируй, почему ты не снимаешь? – как-то раз закричала на него Мелани во время второй недели перегона через Турцию, где-то в засушливой пустыне вдали от прибрежной полосы. В тот день их конвой ждал, когда им доставят воду. Тарент все еще помнил мрачные окрестности – сплошь камень и высохшие растения, а еще брошенный город Хадима чуть ниже по склону холма, желтую горную породу, далекий проблеск моря, сильный горячий ветер и безоблачное небо.

От обиды было больно, но он все еще любил Мелани. Он помнил то, что она, казалось, позабыла: самое начало их отношений, глубокие письма и длинные телефонные звонки, волнение от происходящего, огромный эмоциональный подъем. Любовь была сильнее обиды.

Но сейчас ему снова придется вернуться к дурацкой и пассивной фотосъемке.

⁶ Наука об окружающей среде.

⁷ *Пирология* – наука о природе лесных пожаров и их последствиях, борьбе с лесными пожарами и об использовании положительной роли огня в лесном хозяйстве.

6

Тарент закрыл глаза и ненадолго задремал. Внезапно по громкой связи раздался голос с акцентом, свойственным уроженцам Глазго:

– Это Ибрагим, ваш второй водитель. Ас-саляму алейкум! Возникла неисправность с аккумуляторами. К сожалению, многие из станций подзарядки сейчас недоступны. Нам нужно остановиться на ночлег раньше, чем планировалось, поэтому мы отклонимся от маршрута и переночуем в местечке под названием Лонг-Саттон. Они готовы принять нас на одну ночь. Это еще одна задержка в пути, но лучше, чем если мы израсходуем все топливо. У нас есть сменные аккумуляторы, а завтра нагоним. Прогноз погоды благоприятный.

Возникла пауза. Микрофон не выключили. За шипением коммуникатора они услышали, как водители в кабине говорят друг с другом. Женщина, сидевшая перед Тарентом, явно отреагировала на объявление, удивленно вскинув голову. Затем повернулась и тихо заговорила со своим соседом. Тот покачал головой, прислушиваясь. Затем молча согласился с женщиной, кивнув, приподнял на миг брови и отвернулся.

Тарент прислонился к стенке, глядя в узкое окошко. И тут одновременно произошли две вещи. Что-то настойчиво и непонятно зачем сунули ему в руку, а Тарент рефлекторно сомкнул пальцы. И раздался голос второго сержанта, который продолжил объявление:

– Это Хамид, старший водитель. – Тарент так понял, что Хамид – молодой сержант, который помог ему загрузиться, спасая от наводнения в северном Лондоне, когда он присоединился к остальным пассажирам. – Мир вам! Довожу до вашего сведения, что нам приказали передать ваши допуски заранее, все из-за места, в котором мы останавливаемся. Обычно доступ в Лонг-Саттон закрыт, как вы все, без сомнения, знаете. Никаких поводов для беспокойства нет, обычная рутина. Все пассажиры «Мебшера» имеют нужный уровень допуска Министерства обороны. Просто решил, что стоит упомянуть об этом на случай, если кто-то обеспокоен. Вы должны зарегистрироваться с помощью своих чипов и идентификационных карточек, но вам их сразу же вернут.

Тарент смутно помнил о демонстрациях протеста, когда базу в Лонг-Саттоне только открывали. В те дни она находилась в ведении ВВС США в качестве пункта раннего оповещения, но сейчас после роспуска НАТО перешло к Министерству обороны. Но раннее оповещение? О ком?!

Он все еще с трудом видел себя в роли высокопоставленного чиновника, да еще и с доступом к секретным объектам. Раньше Тарент лишь изредка общался с государственными учреждениями, когда надо было посетить какое-то мероприятие, куда требовалось разрешение Министерства внутренних дел или Комитета по связям Эмирата. Но даже тогда он лишь хотел получить аккредитацию как независимый фотограф, работавший по заказу веб-журнала или какого-нибудь телеканала.

Пока неуклюжий транспортер продолжал путь, Тарент ощупал кончиками пальцев бумажку, которую с такой силой сунули ему в руку, покрутил листок, свернул в тонкий конус с острым концом, на миг позабыв о том, как именно тот попал к нему. Наконец Тарент развернул записку, разгладив на бедре.

Слова были написаны корявым почерком, явно в спешке: *«Я направляюсь в АМП Халл. Хотите со мной? На Ферму Уорна можно не ехать».*

Записку могла передать только женщина, сидевшая впереди. Тарент смял бумажку и снова посмотрел ей в затылок, замотанный платком, туда, где ее рука касалась шеи. Когда Тарент наблюдал за ней раньше, то без усталости движущиеся пальцы казались ему нервной привычкой, но теперь он задумался: а что если она пыталась передать ему сигнал?

Тарент вспомнил первое впечатление от этой женщины, ощущение, будто она не выпускает его из виду. Она общалась с ним исключительно холодно, и тут вдруг записка. Он пристально взглянул на нее, не мог отвести глаз. Если не считать беспокойных пальцев, то она не двигалась и явно не замечала чужого внимания.

Если бы Тарент поднял руку, то мог бы дотронуться до этих пальцев, коснуться шеи и волос.

Ничего не произошло, ничего не изменилось. Вскоре он задремал, впал в состояние на грани сна, но без сновидений, когда он лишь наполовину осознавал происходящее вокруг: движения транспортера, вибрацию и шум мотора, рывки вперед или назад, когда меняли передачи. В голове вертелись неясные мысли об этой женщине, такой близкой и такой далекой. *Хотите со мной?* Куда? Вопросительный знак превращал фразу в предложение, а не в приказ. Приглашение из Халла? В других обстоятельствах он воспринял бы записку как флирт, но ведь эта самая женщина бесцеремонно проверила его лицензию. Одно он сейчас знал точно: ему строго предписано явиться для отчета в контору под эгидой УЗД, которая называлась Ферма Уорна и располагалась в Линкольнширской пустоши. В записке говорилось, что туда можно не ехать. Но он не понимал, почему.

Тарент полностью очнулся, когда транспортер внезапно замедлил ход и остановился, визг двигателя стих. Полуприкрыв глаза, зевая, Тибор заметил военных: два молодых морских пехотинца стояли настороже, одетые в маскировочный камуфляж, бронежилеты и кевларовые щитки, лица их скрывали маски, а в руках они держали винтовки на изготовку.

Остальные пассажиры заерзали на сиденьях, им тоже не терпелось наконец выбраться из «Мебшера». Теперь, когда бронетранспортер стоял тихо и неподвижно, Тарент чувствовал себя в ловушке. Систему кондиционирования отключили, вентиляторы перестали дуть. Казалось, снаружи холодно.

Тибор снова прильнул к окну и увидел Хамида, подписывавшего ворох документов. Между ним и караульным завязался какой-то спор, но без злобы. Судя по жестам, речь шла о бронетранспортере, в котором они сидели.

Через несколько минут двое гражданских чиновников в защитных костюмах и с дыхательными аппаратами протиснулись через люк в тесный пассажирский отсек, от чего Тарент, сидевший близко ко входу, ощутил долгожданный порыв свежего воздуха. Это были мужчина и женщина. Женщина надела хиджаб, и он вместе с кислородной маской и защитными очками полностью скрывал лицо. Мужчина был одет в темную рабочую куртку с нанесенной по трафарету надписью «Министерство обороны» на нагрудном кармане. Оба в руках держали большие баллончики с каким-то аэрозолем – мужчина опрыскал им все углы пассажирского отсека, а женщина распылила вещество на четырех пассажиров. Тарент задержал дыхание, как только понял, что сейчас произойдет, но больше всего думал о том, как защитить камеры. Неминуемо ему все же пришлось сделать вдох. Аэрозоль оказался порошкообразным, на вкус чуть едким и вызывал жжение, попадая на кожу. Тарент и его спутники закашлялись, а женщина опрыскала их снова.

Затем их оставили приходить в себя. По громкой связи было слышно, как Хамид и Ибрагим кашляют в кабине управления. Ибрагим громко попросил прощения, но не за действия чиновников, а за свои недобрые помыслы.

Им разрешили выйти. Несмотря на то что Тарент сидел ближе всех к люку, он пропустил остальных вперед. Женщина прошла мимо, не проронив ни слова и не взглянув в его сторону.

7

«Мебшер» припарковался рядом с длинным кирпичным зданием с плоской крышей. Повсюду росли деревья: и вокруг зданий, и вдоль двух или трех дорожек, которые вели в разные стороны. Ветер качал ветки крон. Тарент сделал глоток свежего воздуха, пытаясь восстановить дыхание. Легкие все еще не отошли от действия химического спрея. Он улавливал запах на своей одежде, волосах, лице и губах. Вернулось то чувство, которое появилось после возвращения в Британию – кто-то другой контролировал его жизнь и решал, что ему делать. Тем не менее он также был убежден, что ни один из тех, с кем ему пришлось столкнуться за последние несколько дней, не имел ни малейшего представления о том, чем Тарент занимался за границей, какой там царил хаос, какие ужасы ему довелось увидеть и испытать, и о бедственном положении, в котором оказались многие части мира. Половина Европы была, в сущности, необитаема. Большинство людей, способных жить в условиях умеренных температур, на сузившихся и извилистых полосках пригодной для существования суши в Северном и Южном полушариях, теперь уходили с опустошенных территорий, цепляясь за остатки того, что знали. Теперь людей не интересовали другие части мира, любопытство почти умерло, скрытое необходимостью самосохранения.

Белый геодезический купол и две огромные спутниковые тарелки виднелись из-за деревьев.

Остальные пассажиры шагали впереди. Тарент проследовал за ними через дверь, которую охранял офицер полиции, а потом вдоль коридора. Женщина чуть замешкалась и оглянулась, без слов задав Тибору вопрос.

Тот покачал головой, а потом уклончиво махнул рукой.

Она тут же отвернулась, поправила сумку, висевшую на плече, и, ускорив шаг, оттеснила своего спутника, направившись в одну из комнат впереди.

За этим последовал долгий процесс оформления. Нужно было не только предъявить удостоверение личности, но еще и подписать отказ от свободы передвижения и свободы информации. Американец сначала возразил, ссылаясь на решение Верховного суда США, но потом согласился сотрудничать. Каждому выдали пропуск, который предписали повесить на шею и носить, не снимая, постоянно, даже в постели. Тарент испытал облегчение и удивление, когда его фотоаппаратуру не стали осматривать или изымать.

Они приехали во второй половине дня. Впереди маячил вечер, а занять себя особо было нечем. Тарент никого не знал, а на каждой двери и на большинстве стен висели внутренние правила Лонг-Саттона, перечислявшие все запрещенные виды деятельности и зоны. Таренту выделили комнату в одном из корпусов общежитий, столь же скудно обставленную, как подземный номер в бедфордской гостинице, но поменьше.

Тибор снял одежду, какое-то время полежал обнаженным, а потом принял душ, после чего все еще голый, но с обязательным пропуском, болтавшимся на шее, валялся на кровати, запрокинув голову так, чтобы видеть деревья. В комнате стало жарковато, но никаких кондиционеров не нашлось, а все окна были закрыты намертво.

Несколько минут Тарент смотрел телевизор, переключая каналы в поисках службы новостей или аналитической программы. Но, как это часто случалось раньше, после пяти минут тупого щелкания пультом в каком-нибудь номере отеля или в арендованном жилье он чувствовал себя каким-то недовольным идиотом. Когда он наткнулся на новости, там опять говорили только о встрече в Торонто, и Тарент выключил телевизор.

Выглянув из окна, он заметил, что солнце садится, снова оделся и медленно обошел территорию, прилегающую к общежитию. Больше никого на улице не было. Как обычно, Тарент повесил на пояс фотоаппарат, но в этот раз прикрыл его шерстяным свитером. По

правде говоря, его не особо интересовало это место, он просто радовался возможности прогуляться под деревьями. Когда климат внезапно изменился, они исчезли первыми: сгорели в лесных пожарах, рухнули от ураганов или пошли на растопку. Теперь большинство пейзажей казались обнаженными. Деревья в Лонг-Саттоне доставили Таренту редкое безвредное удовольствие. Настроив «Кэнон» под освещение, он сделал несколько снимков кроны над головой, ничего особо живописного, просто запечатлел ощущение от листвы.

Он продолжал идти, удаляясь от основной группы зданий. Сознательно держался на расстоянии от всех запретных зон, сделал еще несколько снимков деревьев так, чтобы вдали виднелись здания. В паре точек смог воспользоваться прожекторами, освещавшими территорию, правда, те были малочисленными и не слишком яркими. Все вокруг мало вдохновляло на творчество, но Таренту нравилось, что к нему возвращаются старые инстинкты – как правильно снимать передний и задний планы, как верно кадрировать, как с фантазией использовать выдержку. Выбравшись из «Мебшера», он сумел получить доступ к своей удаленной лаборатории, которая рассортировывала снимки в соответствии с настройками, заданными им по умолчанию. Тарент загрузил несколько кадров и с удовольствием любовался глубокими серыми и черными цветами, поразительными оттенками зеленого. В некоторых тенях остались заметны электронные помехи даже после лабораторной обработки. Солнце почти село, и подобрать правильную выдержку в изменчивом свете под деревьями оказалось не так-то просто.

Ему не терпелось разобрать тысячи снимков из Анатолии. Там доступ к сети был далеко не всегда. Пока у него хватило времени лишь на то, чтобы торопливо порыться в кадрах и найти подходящие для родителей Мелани, взглянув на фотографии в том виде, в каком он загрузил их в лабораторию. Поэтому Тарент обрадовался возможности наконец нормально поработать с камерой, поснимать, рассортировать, оценить и заархивировать. И пусть сейчас он перебирал лишь снимки старых правительственных зданий и обычных деревьев, сам процесс приносил ему удовольствие. Территория, по которой он прогуливался, практически полностью просматривалась камерами системы скрытого наблюдения, поэтому Тарент предположил, что за ним следили.

8

Наконец, проголодавшись, Тарент побрел обратно, туда, где якобы давали еду. Он нашел большой зал, безлюдный, если не считать повара, работавшего в дальнем конце помещения. Рядом с микроволновкой на выбор предлагались два варианта блюд. Тарент предпочел соевый бургер, вытащил его из картонной упаковки, подлежащей вторичному использованию, подождал, пока печь облучит еду, а потом уселся за стол. Он не видел никого из пассажиров или команды «Мебшера», и не успел покончить с ужином, как работник на кухне выключил свет и куда-то исчез.

Тарент снова вышел в вечернюю прохладу. Место казалось пустынным. На крышах некоторых зданий жужжали и лязгали в темноте вентиляторы под металлическими навесами. Вокруг них облаками собирался конденсат, который вскоре рассеивал ветер. В этот раз Тибор пошел другим маршрутом и в конечном итоге уткнулся в забор, которым по периметру была обнесена территория, – сложнейшую комбинацию петель из колючей проволоки, огромных бетонных блоков и вкраплений секций под напряжением. Везде висели предупреждения для потенциальных нарушителей аж на пяти языках. Все вокруг заливал свет прожекторов. Тарент сделал несколько снимков.

Его охватило чувство оторванности от мира и одиночества. Эти деревья, эта дорога, такой знакомый типично английский вечер, а он далеко от дома. Ему только предстояло с этим смириться. Квартира, где они с Мелани живут, то есть жили раньше, осталась в лондонском пригороде со стороны Кента. Как он теперь знал, она находилась прямо на пути «Эдуарда Элгара», так что, помимо всего прочего, наверняка придется там все основательно отремонтировать. Тарент пока понятия не имел, что делать дальше. Квартира была слишком велика для него одного, забита их вещами. И вещами Мелани. В определенном смысле эта вынужденная поездка для отчета перед властями в Линкольншире помогла отсрочить неизбежное, но он слишком долго был вдали от дома.

Тарент быстро посмотрел отсортированные загрузки только что сделанных снимков, а потом внес небольшие корректировки с поправкой на температуру прожекторов. Его словно парализовало ощущение изоляции, нахождения не на своем месте, отсрочки, которое росло внутри на протяжении вечера. Потеря Мелани не отпускала, но без предупреждения временами она вдруг разгоралась, превращаясь в настоящую физическую боль. Ему хотелось, чтобы последних нескольких месяцев вообще не существовало. Тарент спрятал фотоаппарат, не сделав больше ни единого снимка.

Он все еще стоял, глубоко задумавшись, когда раздался женский голос:

– Вы сфотографировали меня без разрешения.

Она подошла беззвучно. Говорила без всякого акцента или диалектизмов, так общались образованные люди. Тарент обернулся. Перед ним стояла пассажирка из «Мебшера». Свет падал на нее сверху. Она казалась высокой и агрессивной, слегка выставила ногу вперед, наступив на большой корень дерева, торчавший из земли. Волосы все еще прикрывал платок, но теперь женщина надела утепленный пуховик с капюшоном, который накинула поверх платка. Она протянула правую руку, ожидая, что Тарент что-то положит в ее ладонь.

В ИРВБ действовали законы, запрещающие фотографировать граждан без разрешения. Тарент, как и все его коллеги-фотографы, отлично это знал.

– Я сделал парочку тестовых снимков, – ответил он, по привычке сказав полуправду. – Это новая камера, и я ее тестировал. Они не будут опубликованы.

– Не имеет значения.

– Считается, что «Мебшер» дипломатической миссии находится вне национальной юрисдикции.

– И это тоже не имеет значения. Вы не спросили моего разрешения. Отдайте мне фотографии, пожалуйста.

– У меня их нет.

Она нетерпеливо взмахнула рукой.

– Я же знаю, что они у вас. Почему, как вы думаете, по приезде у вас не конфисковали камеры?

– Ваша заслуга?

– Да, я походатайствовала. Мне нужно забрать у вас эти фотографии.

– Это вы написали мне записку?

– Да.

– Почему вы попросили меня поехать в Халл?

– Вам не нужно на Ферму Уорна.

– Мне приказали доложить там об обстоятельствах смерти жены.

– Да, я в курсе. Это контора под эгидой УЗД. Тут я тоже могу замолвить за вас словечко.

– С чего вдруг?

Женщина мотнула головой, стряхивая капюшон. Под ним был еще платок, но она развязала его, и теперь длинные концы свисали на плечи и грудь. Она видела, что Тарент смотрит, поэтому перекинула один через шею поверх плеча.

Хотя фотоаппарата не было видно, Тарент тайком нажал на кнопку, и камера беззвучно сложилась, превратившись в тонкую серебряную пластину с деталями из легированного металла. Он спрятал ее в ладони, словно иллюзионист игральную карту. В прошлые разы у Тарента дважды забирали и уничтожали фотокамеры: однажды, когда он снимал толпу бунтовщиков в Беларуси, второй раз аппарат отнял полицейский в штатском во французском Лионе. Последнее поколение миниатюрных камер разработали специально для фотожурналистов, которым приходилось прятать оборудование быстро и надежно.

Женщина стояла на своем, снова приводя его в замешательство. Ее властная манера выдавала человека, привыкшего добиваться желаемого, но неожиданно в ней проявилась и некая физическая уязвимость. Тарент провел рядом с незнакомкой два дня, но почти ничего о ней не знал. Видел лишь руку, волосы, шею.

Они так и стояли лицом друг к другу в полутьме. Она тяжело дышала: от гнева, усталости, стресса? Белые облака выдыхаемого пара дрейфовали между ними.

– Что конкретно вы хотите? – спросил Тарент.

Женщина посмотрела на его ладонь, в которой был спрятан «Кэнон». Он свободно показывал рукой, пытаясь придать жесту естественность.

– Снимки, которые вы сделали. Мне нужно получить их. Это вопрос безопасности.

– Как я уже сказал, их здесь больше нет. Все кадры передаются в лабораторию. Так работает камера.

– Невозможно передать что-то из бронетранспортера.

– Снимки были загружены, как только мы оказались снаружи. Автоматически.

– Я вам не верю. У камеры есть память.

– Да, но я ею не пользуюсь. Как только фотографии загружены в лабораторию, память очищается. В любом случае я вас не снимал. – Аппарат работал в скрытом режиме с момента отъезда из Анатолии. Она никак не могла услышать его.

– Вы говорите неправду. – Она подняла левую сторону платка, повернула голову и легонько похлопала себя за ухом. – Я знаю, что снимали. Вы сделали последовательно три кадра. Я могу назвать время каждого, метаданные и точные координаты места, в котором мы тогда находились.

Она отвернулась и приподняла волосы. На нее падал свет от прожектора, и Тарент заметил блеск металла, крошечный кусочек с выгравированной пробой и тремя тактильными

клавишами. Он тут же испытал иррациональное желание броситься к ней, схватить, нежно повернуть голову в сторону и рассмотреть устройство поближе. Представил, каково будет прижать к себе ее тело, дотронуться до ее рук, вдохнуть запах кожи на шее, почувствовать легкое прикосновение волос, ниспадающих по плечам, видеть губы совсем близко от себя.

Эта мысль его ошеломила.

Женщина ничего не сказала, но продолжала пристально смотреть на него. Она разжала руку и выпустила волосы. Тарент промямлил:

– Ладно. – Возникло такое ощущение, будто он готов упасть в обморок: стоит ему сделать шаг, и он споткнется и повалится на нее. Тибор собрался с мыслями, пытаясь сосредоточиться на разговоре. – Снимки правда в моей лаборатории. Они заархивированы. Придется использовать специальный контроллер камеры, чтобы получить к ним доступ. Он у меня в номере вместе с остальным оборудованием. Пойдемте со мной, и я их загружу.

Тарент подумал о тесном помещении с напирющими со всех сторон стенами, духоте и узкой кровати.

– Это же «Кэнон Суперлайт Шпион», не так ли? Профессиональная модель.

– Откуда вы знаете?

– Говорю же, у меня есть все метаданные. С этой моделью контроллер не нужен.

– Можно просматривать фотографии, но нельзя загрузить.

– Вы пользуетесь какими-то другими камерами?

– «Никон» и «Олимп». Они тоже в моем номере, если только их не забрал ваш друг.

– Мой друг?

– Ну, мужчина, с которым вы путешествуете.

– Он сотрудник службы безопасности департамента, в котором я работаю. Зовут Хейдар. Официально он приставлен ко мне в качестве охранника, хотя его так никто не называет.

– Он сейчас с вами?

– Пораньше лег спать. Думает, что я у себя в комнате, – сказала она вроде как доверительно, а потом добавила: – Он не войдет в вашу комнату, если только я его не позову.

Они повернулись в молчаливом согласии и направились обратно в сторону жилого корпуса. Женщина шла впереди, но, как только в поле зрения возник вход в здание, внезапно сбавила скорость, позволив Таренту догнать себя. Теперь она шагала сбоку, глядя себе под ноги, а платок болтался у лица. Они двигались по неровной гравийной дорожке под молчаливыми деревьями, через лужи света. Рука Тарента, все еще сжимавшая камеру, покачивалась рядом с рукой женщины.

– Вы назовете мне свое имя? – произнес он и удивился, услышав свой запыхавшийся голос.

– Зачем вам?

– Просто так. Хочу знать.

– Может, позже. В каком номере вы остановились, Тибор Тарент?

– Ага! То есть мое имя вам известно.

– Я многое о вас знаю. Даже больше, чем вы можете себе представить.

– Например?

– Например, вы встречались с Тийсом Ритвельдом.

Тарент не понял, о чем это она, и попросил повторить.

– Тийс Ритвельд. Физик-теоретик. Голландец. По-видимому, вы встречались около двадцати лет назад.

– Если это так, то я не помню. Двадцать лет – долгий срок.

– Так в каком вы номере? – снова спросила она, схватив его за плечо.

Они зашли в корпус через главный вход. Потянулись за пропусками. Тарент нащупал прорезь и вставил карту. Он шагнул первым, но женщина проскользнула за ним раньше,

чем дверь успела закрыться. Она снова шла рядом. Коридор был такой узкий, что время от времени они касались друг друга.

В его номере едва хватало места для двоих. Тарент пропустил женщину вперед, и теперь она стояла на узкой полоске ковра, прижавшись коленями к кровати, спиной к нему. В комнате было жарко и душно. Кровать оставалась все в том же состоянии, в каком прежде, — с разбросанной по ней одеждой. Тарент закрыл за собой дверь.

Женщина оглянулась через плечо на маленькую красную лампочку, подтверждавшую, что дверь заперта.

Она расстегнула молнию на пуховике и сбросила его. Затем с плеч соскользнул платок. Женщина встряхнула волосами. Платок легким облаком лег на пол. Тарент смахнул с кровати одежду. Женщина по-прежнему не оборачивалась, демонстрируя ему спину.

Она слегка наклонила подбородок, а потом приподняла волосы, выставив напоказ имплантат. Его лицо было на расстоянии пальца от ее головы. Имплантат поблескивал в свете лампочки, горевшей на потолке. Женщина подалась назад, прижавшись спиной и подставив голую шею. Тарент потянулся к коже, слегка приоткрыв губы. Он мельком увидел логотип компании, вытравленный на металлической пластинке: крошечная стилизованная буква «а» в окружении пятиугольника. И больше ничего. А затем бугорок имплантата оказался у него во рту, он посасывал кожу вокруг него, ощущая грубый зернистый металл на языке. Женщина поддалась, чуть наклонилась в его объятьях, пока губы Тарента жадно шарили по ее шее и уху, дразня, возбуждая. Он ощущал легкое прикосновение ее волос к своему рту, подбородку и глазам. В чувственном порыве Тарент стукнулся передними зубами о твердую поверхность имплантата и отпрянул.

— Ты его не повредишь, — сказала женщина, и голос ее звучал глухо и слегка дрожал.

— А тебя?

— Меня тем более. Вот увидишь.

9

Прошло полчаса. Обмякнув на теле женщины, скользкий от пота Тарент потянулся и выключил верхнюю лампу, при свете которой они занимались любовью. Один из прожекторов на улице стоял вплотную к окну, и резкий свет проникал поверх жалюзи. Тарент потянулся к натяжному шнуру и умудрился слегка передвинуть их, чтобы преградить дорогу слепящим лучам. От конечностей и тела женщины на него исходили потоки тепла.

Она высвободилась и выпрямилась, отодвинувшись подальше. Сидела лицом к нему, раздвинув ноги. Тарент тоже сел, обвив ее ногами. Свет с улицы все еще пробивался в комнату, ложась диагональной полосой на ее тело и мягко поблескивая. Женщина тоже взмокла от пота, и волосы влажными прядями свисали, обрамляя лицо.

По лбу Тарента, вдоль линии роста волос, по вискам тоже тек пот, скатываясь дальше по щекам. Он поймал одну каплю и прочертил ею тонкую влажную линию на ее левой груди. В крошечной комнатке нечем было дышать.

– Окно не открыть, – сказал он. – Я уже пробовал.

– Все окна заперты наглухо. Все до единого в здании. Это правила Министерства обороны. Откроем дверь?

Они слышали шаги и голоса снаружи.

– Ты в своем уме?

– Я думала, тебе нужен свежий воздух.

Тарент наклонился вперед, обнял ее, и они какое-то время ласкали друг друга. Он сказал:

– Я не ожидал такого. Того, что мы сделали.

– А я ожидала. Я думала, ты понимаешь. Два дня ждала, когда же ты сделаешь первый шаг.

Он покачал головой, вспоминая часы, проведенные в «Мебшере», то, как принял ее отношение за молчаливое и холодное пренебрежение. Он все неверно понял? Что ж, это больше не имело значения.

Сейчас он смотрел прямо на нее и не видел никакого физического сходства с Мелани, даже внешнего. Она была чуть шире, выше, грудь чуть полнее, а талия уже. Тарент догадывался, что она и моложе Мелани, хотя затруднялся определить на сколько.

– Я до сих пор не знаю, как тебя зовут. И кто ты.

– А тебе и не надо знать.

– Почему ты так говоришь?

– Из-за того, кто я такая и почему сейчас с тобой.

– И кто же?

– Просто женщина с физическими потребностями.

– И почему ты здесь?

– По той же причине.

– Нет, не только.

– У женщины, чья работа несовместима с личной жизнью, желания становятся гораздо острее.

– То есть ты пользуешься любым удобным случаем.

– Нет. Почти вся моя жизнь – это работа. Ты представления не имеешь, на что мне пришлось пойти, чтобы все срослось. И как сильно я рискую.

– Пожалуйста, назови мне свое имя.

Женщина дотронулась до каждого пальца своей ладони другой рукой, словно пересчитывала, и улыбнулась:

– Фло. Можешь звать меня Фло.

– Это твое настоящее имя?

– Не исключено.

Она сидела с прямой спиной, кончиками пальцев прикоснулась к его груди, скрестила ноги и смотрела на Тарента, не отрываясь. От нее исходило ощущение какого-то нервирующего спокойствия, которое не имело отношения к внутренней гармонии, а было лишь результатом жесткого самоконтроля. Тарента оно тревожило, он не понимал, что она может выкинуть. Знал лишь, что по какой-то причине эта женщина с ним играет.

– Меня так звали, – произнесла она. – Много лет назад. Сейчас никто меня так не называет, так что можешь ты.

– Это производная от Флоренс?

– Когда-то меня звали и Флоренс. Но я никогда не была такой, какой являюсь на самом деле. Ни тогда, ни сейчас. – Ее явно утомили расспросы об имени, поэтому она с притворным раздражением хлопнула его по голому плечу. – Я все еще хочу получить обратно снимки.

Тарент попытался поддразнить ее:

– Сколько проблем ради пары снимков, Фло!

– Нет. Я хотела тебя трахнуть. Если ты думаешь, что это проблемы, то тебе стоит увидеть, какие проблемы я могу доставить другим, если понадобится.

– Ладно. Тогда еще разок, Фло?

– Чуть позже. – Она сменила позу, слегка откинувшись назад и вытянув ноги вперед, а потом пришпорила его по бокам. – Мне все еще слишком жарко.

Фло приподнялась и потянулась к окну поверх головы Тарента. Ее грудь касалась его щеки, пока Фло сражалась с неподвижной задвижкой. Но усилия оказались тщетны, и она сдалась.

– В некоторых наших зданиях окна все еще иногда открываются, – объяснила она.

– В «наших зданиях»?

– Министерства обороны.

– Вот на кого ты работаешь.

– Почему я тебя так интересую?

– Мне нравится знать, с кем я. А о тебе известно лишь то, что ты путешествуешь по стране в бронированном «Мебшере» с телохранителем.

– Как и ты.

– У меня нет телохранителя.

– Между прочим, есть. И это я. Меня приставили к тебе.

– Мне сказали, что я пропустил тот транспорт, в котором должен был уехать, якобы поблизости оказался другой «Мебшер», и он даже отклонился от маршрута ради меня. Вряд ли тебе что-то поручили. Мы просто случайно оказались в одной машине.

– Мы знали, где ты. После урагана поступил вызов с просьбой одному из транспортных для перевозки личного состава забрать тебя. В тот момент в направлении Халла ехали четыре или пять «Мебшеров». Там намечено собрание одного из отделов. Когда я услышала, что речь о тебе, то решила забрать тебя сама.

– Мне показалось, ты не прилагаешь столько усилий, чтобы с кем-то перепихнуться.

– Так и есть. Усилия я прилагаю на работе. Я хотела встретиться с тобой не ради того, чтобы перепихнуться, а из-за случившегося в Турции.

– Как ты узнала обо мне?

– У нас свои каналы. Ты проходишь по дипломатической линии, а значит, досье открыто для министерства. – Она вскинула голову, отбросив волосы, и положила пальцы на имплантат. – Я почти все о тебе разузнала еще до вызова, а сегодня нашла остальные данные. Твоя жена – Мелани Тарент, я слышала, что с ней случилось. А еще я знаю, где ты

был до прошлой недели и что произошло с Мелани. Она погибла насильственной смертью при невыясненных обстоятельствах, и никто не дал тебе никаких объяснений. Что ж, могу посвятить тебя в некоторые детали. Мы установили, что она погибла от рук радикального крыла повстанческого движения в Анатолии, они применили новое оружие. Наши люди в Турции сейчас расследуют произошедшее. Ты знал, что виновных поймали?

— Это поразило его.

— Нет, не знал. Когда?

— Через день после твоего отъезда. Мы пытались вывезти их в ИРВБ. Разумеется, действовала презумпция невиновности. Сначала хотели просто задать им несколько вопросов. Но по пути их убила другая группа ополченцев, устроила засаду на конвой. Погибли двое наших сотрудников, еще несколько получили ранения. Мы считаем, это были какие-то местные разборки, в том районе действовали две вооруженных группировки. Они сводили счеты друг с другом. Но я подумала, что ты бы хотел это узнать.

— Мне так жаль. Я понятия не имел, что еще кто-то погиб.

— Ну, они там были не ради тебя. Мы хотели выяснить, откуда повстанцы получают оружие.

— Ты сказала о каком-то новом устройстве. Но я был там после взрыва и видел воронку. Какая-то придорожная мина. Мы такое все время видели.

— Что необычного было в воронке?

Она говорила игривым тоном. Тарент чуть не ответил ей шуткой, но вместо этого спросил:

— А что?

— Ты же был там. — Ее тон не изменился. — Что ты видел?

— Осталась треугольная воронка. Напоминающая равнобедренный треугольник.

— А как она получилась, можешь объяснить? Кто-то при тебе говорил о ней?

— Не припомню. Я никого особо не слышал. Мне кажется, я был в шоке из-за Мелани.

— Вот над чем мы сейчас работаем. — Фло подалась вперед и оглядела крошечную комнату. — У тебя тут есть что-нибудь выпить? В смысле алкоголя.

— Нет, только вода. Это же правительственный объект.

— Я могла бы пройтись по зданию, если ты согласен подождать полчаса. Не все правительственные объекты одинаковые.

— Хочешь сказать, там, где ты работаешь, все по-другому?

— Нет, так же. Алкоголь запрещен. Но есть способы его раздобыть. Зайди ко мне как-нибудь вечером, и я познакомлю тебя с односолодовым виски. — Она перекатилась на бок и слезла с кровати. Тарент жадно смотрел на ее длинные ноги и накачанный торс. Пот все еще островками поблескивал на коже. Фло наполнила два пластиковых стаканчика водой из кулера, в три глотка осушила свой, а другой передала Таренту. — Пока обойдемся этим.

Она наполнила стакан снова, окунула пальцы в холодную воду, провела влажными ладонями по рукам и груди, затем размазала воду по животу, снова села на кровати, в этот раз вплотную к Таренту, игриво брызнула на него. Тарент намочил руку и нежно провел вверх по груди Фло, позволил каплям скатиться по шее. Его пальцы снова дотронулись до имплантата.

— Итак, мы выяснили, что ты работаешь на правительство, — сказал Тарент. — Это было несложно. Министерство обороны.

— Типа того.

— Продолжай.

— Официально мне запрещено распространяться на эту тему.

– Не думаю, что тебе официально разрешено трахаться с овдовевшими фотогра-
фами-фрилансерами. В любом случае ты упомянула, что все обо мне знаешь, значит, и в
курсе моего уровня допуска. Что ты потеряешь, если расскажешь, где конкретно работаешь?

– Для начала, работу. Женщине нелегко пробиться туда, где я работаю.

– Тогда давай я угадаю. Министерство обороны, это мы уже установили. Чиновница
высокого ранга? Глава департамента?

– Постоянный заместитель министра. Личная канцелярия. – Внезапно она отвернулась,
словно бы смутившись своего признания.

Тарент открыл рот, хотел что-то сказать, а потом снова закрыл.

– Я не придумываю.

Он смотрел на ее наготу, на скомканные простыни. В жаркой комнате витал запах их
тел. Все казалось совершенно невероятным.

– Ты полна сюрпризов, – сказал Тибор. – Мне нужно знать, кто ты?

– Надеюсь, нет. Мы не афишируем, чем занимаемся.

– Ты не мусульманка, правильно?

– Да, это так, я не мусульманка.

– Я думал...

– Обязательно быть мужчиной или исповедовать ислам, хотя если ты видел других
чиновников моего ранга в других министерствах, то именно подумал бы иначе. Но я давно
уже поняла, что быть женщиной, но при этом не исповедовать ислам – это уравнеше-
вающие друг друга противоположности, и потому рискнула. Усердно трудилась, получила
степень, согласилась год работать безвозмездно. А потом... начала расти. Я амбициозна и
быстро поднималась по карьерной лестнице. Наш министр – просвещенный человек. Из тех,
кого раньше называли европеизированными. Ему нравится футбол, крикет и тяжелый рок,
он по возможности ходит в театр. Ему нравится окружать себя женщинами, а еще он любит,
когда под его началом работают немусульмане. Большинство из наших сотрудников – жен-
щины.

– И кто же этот министр?

– Его королевское высочество принц Аммари.

Она говорила последние две-три минуты, и Тарент ждал сюрпризов, но тут у него
перехватило дыхание. Шейх Мухаммед Аммари занимал пост министра обороны, наверное,
самый высокий среди членов кабинета министров после премьера. Эта женщина со строй-
ным и потным телом, спокойными руками, взлохмаченными волосами, честными глазами,
женщина, от которой исходил пьянящий запах после секса, фактически управляла Мини-
стерством обороны. Она несла административную ответственность за вооруженные силы и
обладала широким спектром полномочий.

Он потянулся к одежде, сваленной на полу, и выудил свои брюки, штанины были
вывернуты наизнанку, когда он или Фло в спешке снимали их. Камера лежала в сумочке на
ремне. Тарент достал фотоаппарат.

– Хорошо, я отдам снимки.

Он включил камеру, развернул ее, а потом нажал кнопку, тут же получив доступ к
онлайн-лаборатории. За считанные секунды нашел все три фотографии Фло. Протянул ей
камеру.

– Они больше ничего не значат, – сказала она, но тем не менее придвинулась к нему,
чтобы рассмотреть получше, облокотившись о его колено, при этом ее сосок коснулся его
руки. Все три снимка не представляли собой ничего особенного: одна смазалась, видимо, из-
за того что бронетранспортер неожиданно качнулся, зато две другие были ясными, словно
стекло. На них женщина была запечатлена в профиль, ставший Таренту таким знакомым за
время пути. Она слегка наклонилась вперед, левая рука поднята, пальцы замерли возле уха.

Лица толком не видно даже на четких фотографиях. На заднем фоне угадывался интерьер пассажирского отсека «Мебшера», темный и утилитарный.

Она прислонилась щекой к его щеке, спутанные пряди свисали ему на плечо. Тарент обнял ее, положив руку на спину. Фотографии напомнили ему о парадоксе: о той холодности, которую она, казалось, излучала, находясь так близко от него и в то же время так далеко. А теперь ее теплое тело было рядом, он чувствовал кожей ее легкое дыхание. Она велела называть себя Фло.

– Никто бы тебя не узнал.

Ее рука лежала под бедром Тарента, обхватив его пальцами, и он ощущал нежное давление.

– Я бы узнала. И его королевское высочество тоже.

– Хорошо. – Он щелкнул контроллером под тонким корпусом камеры и подождал, пока система подтвердит соединение с лабораторией. Тарент выбрал три снимка, и они растворились в небытии. – Никаких копий, ни резервных, ни оригиналов. Они исчезли. – Женщина не ответила. – Ты мне не веришь?

– Верю. – Она вытащила руку из-под его ноги и легонько постучала по имплантату за ухом. – Почувствовала, как они исчезли.

– Эта штуковина всегда включена?

– Круглосуточно, семь дней в неделю, но я могу остановить ее, если хочу спать. – Она забрала у Тарента камеру. Он с неохотой отдал. Фло подняла фотоаппарат, словно приноравливаясь, чтобы сделать снимок. – Не понимаю, как можно фотографировать без линзы.

– Там есть линза, только не оптическая, а квантовая. Я не пользовался камерами с оптическими линзами уже больше года. – Он показал на то место, где в передней части корпуса виднелись три крошечных лепестка, дотронулся до кнопки затвора, и те беззвучно приподнялись, образовав что-то вроде маленького вигвама над микропроцессорным объективом. Тарент обрадовался, когда речь зашла о любимой теме. – Эти сенсоры работают на уровне частиц или субчастиц. Когда затвор открыт, то они в цифровой форме радикализируют изображение. Электронные линзы более-менее автоматизированы: они сами фокусируются, устанавливают диафрагму, выдержку и все за одну операцию. Я могу перенастроить параметры, но по умолчанию все снимки в фокусе и с правильной выдержкой. Пока что производители не нашли способа, как бороться с тем, что на ходу машины у меня трясется рука, но, наверное, что-нибудь придумают уже в следующем поколении.

Он говорил весело, но когда посмотрел на нее, то понял: что-то изменилось – исчезла расслабленная игривость.

– Это твоя личная камера?

– Конкретно эта – да. А остальные две я оцениваю для производителей.

– Ты не понимаешь, что использование таких камер запрещено законом?

– Я же говорил, – у меня есть разрешение.

– При чем тут разрешение? Если в этой камере используется технология сближения, то снимать на нее запрещено с прошлого года.

– Я никогда не слышал об этом.

– Незнание закона не освобождает...

– Я был в отъезде, – заметил Тарент.

– Да, ты был в Турции, это правда. Там они не запрещены, если уж на то пошло. Но в Европе ими пользоваться нельзя.

– Почему их запретили? Это же просто камеры.

– Квантовые технологии объявили токсичными. Установлено, что время от времени камеры причиняют вред здоровью пользователя и любого, кто окажется в поле их действия. Слишком много побочных эффектов.

– Ушам своим не верю! Как у фотоаппарата могут быть побочные эффекты? И от какой болезни я должен страдать? Я пользуюсь этими камерами больше года!

– Я уже не помню технических подробностей. Созвали специальную консультативную комиссию, и, когда результаты тестирования подтвердились, Халифат принял чрезвычайный закон. Использование этих камер влечет за собой риски, не постоянные, но серьезные.

– Какой от них может быть вред? Со мной же все в порядке!

– Откуда ты знаешь? В любом случае камеру нужно сдать.

– Я так зарабатываю на жизнь. Для профессиональных фотографов, наверное, есть какое-то исключение.

Фло дотронулась до имплантата на шее:

– Хочешь, чтобы я удостоверилась? Могу поискать прямо сейчас.

– Нет, ты сразу воспользуешься служебным положением и мне придется сдать камеры. Давай я сначала разберусь с допросами и УЗИ, потом вернусь в Лондон и поговорю с коллегами. Если потребуется, то я поменяю камеры.

– Они скажут то же самое, что и я.

– Может, и так. Хватит, Фло... ты сейчас не на работе.

Она потянулась, чтобы снова взять у Тарента камеру, но тот отпрянул и спрятал фотоаппарат в футляр, поставил на подзарядку, а потом убрал все три камеры в крошечный шкаф под пристальным взглядом Фло. Закрыв дверцу, Тарент вопросительно взглянул на женщину, не зная, продолжит ли та спорить. Но ее настроение снова резко изменилось. Фло полулежала на кровати, расслабившись и опираясь на локти.

– Итак, мы постановили, что не прочь еще трахнуться?

Тибор недоверчиво сказал:

– Я думал, ты после всего этого оденешься и уйдешь.

– Нет. Ты прав. Я не на работе. Забудь все, что я наговорила об этих чертовых камерах. Порой я забываюсь. Не умею отключаться. Прости.

– Я достаточно долго работаю на фрилансе и понимаю, что попирать закон – последнее дело. Если с камерами что-то не так, я разберусь.

– Знаю, знаю, давай забудем об этом.

– Обо всем?

– Нет. Я уже переключилась! Давай займемся тем, ради чего мы сюда пришли!

10

Она толкнула его на кровать. Сначала ему было беспокойно, перепады ее настроения охладили пыл, но в этот раз они занимались любовью дольше, вспотев еще сильнее. Радиатор обдувал ненужным теплом, пока они медленно восстанавливали дыхание. Раздражение Тарента на Фло растворилось в половом акте, но теперь он держался настороже. Он лежал сверху, грудная клетка давила на ее грудь, одна нога свисала на пол в попытке поймать струю прохладного воздуха. Тарент изнемогал от жары, был изнурен, истощен, удовлетворен, и вместе с этим его охватила радость. Фло, казалось, заснула: она лежала неподвижно, прижавшись лицом к его плечу, и дышала медленно и равномерно, но через пару минут внезапно напряглась и попыталась выбраться из-под него. Тарент повернулся, освобождая ей место, и она приподнялась, вылезла из постели, быстро приняла душ в кабинке за спиной Тибора, вытерлась полотенцем и начала одеваться. Он наблюдал за ней и уже испытывал сожаление от того, что все кончилось, ему хотелось провести с ней остаток ночи. Номер освещала лишь тонкая полоска света. Тарент смотрел, как Фло натянула трусики на аккуратные подкачанные ягодички, а потом через ноги надела юбку длиной до щиколоток и застегнула пряжку на талии.

– Мы завтра снова встретимся? – спросил он.

– Это невозможно. Если только ты не хочешь пропустить Ферму Уорна и не отправишься со мной в Халл.

– Но я же подневольный человек. Ты же знаешь. Зачем, ради всего святого, тебе пришло в голову ехать в Халл?

Теперь, практически полностью одевшись, она снова стала напористой и самоуверенной.

– Там же АМП, автономное местопребывание правительства. У меня встреча с Комитетом начальников штабов. Мне нужно поучаствовать в работе нескольких региональных комитетов и двух консультативных групп, а еще встретиться с начальниками полиции, рассмотреть ходатайства муниципалитетов и еще куча всего. Кадровые перестановки, вопросы обеспечения. По большей части рутина, но занимает много времени. Я ведь предупреждала, что у меня нет личной жизни. Но я могу спрятать тебя в своем номере в отеле и видеться после работы, по ночам.

– Я не уверен...

– На меня каждый день льется нескончаемый поток проблем.

– Но ты же не в одиночку работаешь.

– Нет, разумеется, подключен целый отдел. Но из-за происшествия в Лондоне сейчас объявлено чрезвычайное положение. У нас настоящий кризис.

– А что случилось в Лондоне?

– Ты наверняка слышал.

– Я несколько месяцев провел без новостей.

– Произошла террористическая атака на Лондон. Чуть больше четырех месяцев назад. Сопоставимая со взрывом небольшой ядерной бомбы. Тем не менее, разрушения были строго локализованы, и мы все еще пытаемся разобраться, как так получилось. Но один из районов западного Лондона полностью стерт с лица Земли.

Тарент уставился на нее, пытаясь как-то адекватно отреагировать.

– Ты правда ничего не слышал, да?

– Это невероятно! Наверняка же были тысячи жертв. Это невероятно! – Тарент вдруг понял, что в шоке от услышанного начал повторяться. Он вспомнил пейзаж, который мельком видел из окна, пока его везли в Лондон: почерневшая земля, на которой ничего не оста-

лось, агенты явно не хотели, чтобы он понял, куда смотрит, и сразу затемнили стекло. – Это правда случилось? Ядерная атака на Лондон?

– Событие получило название «10 мая», именно тогда все и случилось. Это была не ядерная бомба в обычном смысле слова. Скорее, более масштабная версия того же устройства, которое применили против твоей жены. К сожалению, этот тип оружия используется все чаще и чаще. Только за последний месяц произошло семь атак, аналогичных той, в которой погибла твоя супруга. Но в Лондоне теракт был самым крупным. Мы смогли изучить его, тогда как в большинстве других случаев оружие использовали в труднодоступных местах. В западном Лондоне провести судебно-медицинскую экспертизу куда проще.

– И таких атак много?

– Минимум пятнадцать за прошедшие четыре недели. Большинство в регионах типа Анатолии, но два аналогичных небольших инцидента в Британии, три в США, один – в Швеции. Как и большинство людей, ты, скорее всего, не понимаешь, что мы уже ведем войну, и в ней нам не победить. Мы уже проиграли битву против климатических изменений, а теперь еще и эта. Есть такое избитое выражение: «война против войн». Вот сейчас она и идет, в прямом смысле слова. Если под удар попадет еще один большой город, другой войны после этой уже не будет.

– Расскажи, что случилось в Лондоне.

– Десятого мая в середине дня нечто необъяснимое произошло на юго-западе района Майда-Вейл. Основной удар пришелся на Бэйсуотер. Это была не бомба, но что-то равное по силе воздействия. Сейчас мы не считаем, что террористы использовали ядерное оружие, так как уровень радиации слишком мал, да и характер повреждений другой. Но все равно урон слишком велик для обычного оружия. А вот что конкретно было использовано, мы до сих пор не знаем.

– Сколько жертв? – спросил он, придя в ужас от новости.

– Свыше ста тысяч. Как минимум. Окончательная цифра может оказаться выше раза в два, а то и больше. Своеобразный «эффект Хиросимы»: люди не просто погибли, но и записи о них были уничтожены, и умерли почти все, кто их знал. Все уничтожено, аннигилировано – пресса полюбила это слово. Аннигилировано. Останков нет, поэтому приходится искать родственников или людей, чьи друзья проживали в эпицентре. По последним подсчетам, погибли более ста двадцати тысяч человек. Они числятся «пропавшими без вести» и пока не объявлены умершими. Мы подозреваем, эти цифры – лишь верхушка айсберга.

– Я не понимаю, как мы умудрились не услышать об атаке.

Сейчас это казалось невероятным, но пока шли долгие недели в полевом госпитале, персонал поддерживал контакты с внешним миром лишь с помощью вертолетов «Врачей без границ», которые изредка доставляли продовольствие и медикаменты. Опасаясь огня с земли, они прилетали только по ночам и никогда не садились. Лекарства, медикаменты, продукты питания и воду сбрасывали или спускали вниз, а потом вертолеты снова взмывали в воздух.

Разумеется, Тарент сразу начал лихорадочно вспоминать, кто из знакомых мог находиться в тот момент в западном Лондоне.

– Я был в Лондоне два дня назад. – Он рассказал Фло, что видел из машины, и она подтвердила, что он, скорее всего, проезжал мимо района поражения: Бэйсуотер-роуд, большая часть Ноттинг-Хилл, территория вплоть до Уэйст-Килберна на севере и Майда-Вейл на востоке. – Потом меня отвезли на квартиру, куда-то в Ислингтон. Но там я видел только последствия урагана.

– Взрыв был четко локализованным. Снаряд собрали так, что наши взрывотехники не могут даже понять, как такое возможно, не говоря уже о том, чтобы объяснить.

– В смысле локализованным?

– Зона поражения имела четкие границы. В форме треугольника. – Она пристально посмотрела на него, ожидая реакции. – Равнобедренного прямоугольного треугольника, не выровненного по сторонам света.

Тарент прикрыл глаза, вспоминая злополучный день в Анатолии.

– То же самое случилось с твоей женой, да?

– Но почему треугольник?

– Мы не знаем.

– Ровный?

– А воронка, которую ты видел, была ровной?

– А что внутри треугольника?

– Ничего. Все разрушено. Аннигилировано.

– Кто, черт побери, мог такое сотворить?

– Этого мы тоже не знаем.

– Ты же сказала, что виновных поймали.

– Мы так и не выяснили, на кого они работали, но есть новые разведанные, которые мы изучаем. Наша главная задача – разработать оборонительную стратегию. Мы не можем позволить, чтобы такое случилось снова. Все меры безопасности продлятся еще в течение месяца на самом высоком уровне боеготовности, поэтому западный Лондон фактически оцеплен. Сейчас необходимо принять хотя бы какие-нибудь меры предосторожности на случай еще одной атаки. Вот ответ на вопрос, чем я буду заниматься в Халле.

Фло перестала одеваться. Она присела на краешек кровати рядом с Тарентом и положила руку ему на колено.

– Мне побыть с тобой немного?

– Да, пожалуйста.

Он прошел в отгороженную кабинку и воспользовался туалетом, потом принял душ, а когда вернулся в комнату, Фло уже полностью оделась. Она сидела на кровати, на коленях у нее лежал толстый пуховик. Тарент присел рядом. Новость ошарашила его. Сейчас он испытывал, пусть и в меньшей мере, то, что пережила вся страна, да и весь мир. А когда произошла атака, люди чувствовали не только шок, но и скорбь о тех, кто погиб, страх, что это может произойти снова, гнев, обиду, тревогу... Он хотя бы знал, что спустя такое долгое время второй атаки не случилось. По крайней мере пока. Ну, или такой же крупной.

Тарент вспомнил странную картину, которую мельком увидел, когда машина замедлилась и агенты с тревогой обсуждали надвигающийся шторм. Тибор тогда не понимал, на что смотрит, поэтому за те две-три секунды запомнил лишь впечатление: чернота, никаких руин, все стерто с лица земли.

Всякий раз, когда происходит крупный теракт, те, кого он не затронул напрямую, воспринимают новость тихо: они узнают о случившемся из бесконечных телерепортажей, из Интернета, хранят свои мысли при себе, но им кажется, будто они тоже в какой-то мере причастны – видят волнение на улицах, страшатся будущего, испытывают смесь вины и облегчения, что это произошло не с ними, и постоянно размышляют о том, что же в действительности случилось. Они слушают рассказы свидетелей, выживших, затем доходит очередь до экспертов, политиков, «говорящих голов» и тех, кто протестует против политики правительства. Все вроде как анализируют, описывают, но произошедшее остается необъяснимым. А вот спустя четыре месяца все иначе: само событие очевидно, известно, в некоторой мере даже понятно, но его окружает новая загадка. Прошло не так много времени, но даже нечто настолько жуткое уже уходит в историю, исчезает в коллективной памяти.

Наконец Фло встала со словами:

– Мне пора.

Он понимал, что она не может остаться, но Тибору не хотелось быть в одиночестве. Уже давным-давно перевалило за полночь. Фло добавила:

– Ты решил по поводу завтра? Поедешь со мной в Халл? Мне нужно знать.

– Я поеду отчитываться о произошедшем, – ответил Тарент. Ему не нравилась идея стать сексуальной игрушкой, торчать в номере отеля, пока она общается с начальниками штабов, солдатами и принцами. – Я хочу как можно быстрее попасть домой. А тебе нужно руководить страной.

Она никак не отреагировала.

– Между Фермой Уорна и территорией АМП постоянно курсирует вертолет. Если процедура пойдет в обычном формате, как это происходит в УЗД, когда кто-то из дипломатов возвращается из-за границы, то она не займет больше пары дней. А мне придется пробыть в Халле как минимум четыре дня. Хочешь попытаться? Мне хочется, чтобы ты приехал.

– Хорошо, – сказал он, но в голове Тибора роилось слишком много мыслей. Связь с Фло ничего не изменила в его жизни, разве что на миг и временно. Внезапно все закончилось, а ему не хотелось, чтобы она уходила.

К скорби по Мелани прибавилось ощущение вины из-за того, что он оказался в постели с этой женщиной. Он впервые изменил жене, так, по крайней мере, сейчас себя чувствовал. Несмотря на это Таренту все равно хотелось остаться с Фло. У него больше никого не было, а она его хотела. По ее словам. Дальнейшая жизнь без нее станет пустой и бесцельной. Тарента охватило непреодолимое и одновременно иррациональное желание удержать ее, хотя бы отсрочить момент, когда она выйдет из комнаты. Тибор не испытывал ничего подобного много лет: подростковую влюбленность, увлечение хорошенькой девушкой, которая заявила, что он ей нравится.

– Я увижу тебя в «Мебшере» завтра?

– Да.

– Я хочу быть с тобой, Фло. Пожалуйста, останься.

– Доброй ночи, Тибор. – Она наклонилась и подставила щеку для целомудренного поцелуя.

Но осталось что-то еще, что-то незавершенное. Когда Фло отвернулась, Тарент поинтересовался:

– А кто был тот человек, о котором ты меня спрашивала? Какой-то голландский ученый вроде.

– Его зовут Тийс Ритвельд, но он не просто ученый. Вернее, не в том смысле, который ты, скорее всего, вкладываешь. Он академик, физик-теоретик.

– Ты утверждаешь, что я с ним встречался?

– Так сказано в твоём досье.

– Наверное, какая-то ошибка. Это имя мне ничего не говорит.

– Но в досье другая информация. Вы встречались довольно давно. Если ты забыл...

– Я никогда не встречался с таким человеком.

– Хорошо. – Фло уже открывала дверь. Лампочка на замке стала зеленой. – Я не могу заставить тебя отправиться в АМП со мной, но, когда закончишь на Ферме Уорна, приезжай. Ты был там, когда убили твою жену, ты встречался с Ритвельдом. Все это звенья в цепочке, которую я пытаюсь воссоздать. Ритвельд открыл сближение. Это что-то тебе говорит?

– Нет.

– Над этим мы сейчас работаем. А еще в Турции должна была случиться яркая вспышка в небе. Ты видел вспышку?

– Кто-то из сотрудников госпиталя говорил, что заметил вспышку непосредственно перед взрывом.

– Это еще одно звено, Тибор. Нам известно о таких вспышках над эпицентрами взрывов, но мы не знаем, что это такое. Не НЛО. Они как-то связаны со сближением.

– Но я сам ничего не видел.

– Ты был там. Этого достаточно. – Она открыла дверь. – В любом случае я хочу увидеть тебя снова. Ты знаешь, как меня найти.

– Но как я выйду на связь, если что-то пойдет не так? – Дверь закрылась. – Ты даже не сказала мне свою фамилию, – спросил он в пустоту.

Тень двигалась по смятой поверхности постели – покачивающаяся веточка с дрожащими на ветру листьями в тонком луче света, пробивавшемся под углом внутрь комнаты. Фло оставила после себя свой аромат: в душном воздухе номера, на простынях и в его мыслях. Ему стоило бы знать, что она покинет его так же внезапно, как пришла: на своих условиях и ради своих желаний. Хотя желания были обоюдными. Только что она была здесь, и вот уже ее нет. Тарент все еще слышал ее шаги, удалявшиеся по коридору. Он был физически вымотан после тряского путешествия, разговоров, секса, но при этом насторожен и возбужден, не готов ко сну. Тибор подошел к окну и приподнял жалюзи, впуская в помещение искусственный свет с улицы. Затем потянул еще раз за задвижку, и, к его удивлению, ручка, высвободившись от краски, которая опечатывала раму по периметру, внезапно поддалась и окно открылось. Восхитительный ледяной воздух, клубясь, вился через узкую щель. Снаружи холодный ветер бушевал между низкими зданиями. Он трепал кроны деревьев, шелестя листьями, а ведь Тарент думал, что никогда в жизни уже не услышит этот звук. Внезапно он вспомнил какие-то картинки из детства, как играл в лесу, где росли колокольчики и где ждала мать, о подростковом романе, долгих и невинных прогулках по сельской местности, а еще о каникулах в северной Германии, и все это на фоне шелеста и шуршания сочной зеленой листвы на ветру. Тарент прижался лицом к холодному стеклу, глядя на подсвеченные снизу листья, мрачно трепетавшие на фоне неба. Он ощутил приятное дуновение сквозняка на шею и плечах, подумал о холодных днях, темных ночах, минувших перспективах. Он пытался вспомнить и другое, каким оно когда-то было, не так давно, еще при его жизни, но теперь, когда Фло оставила его одного, в голову лезли мысли только о жарких, убийственных днях в Анатолии, о безнадежном и нескончаемом зное, голых холмах, бесплодной земле, детском плаче, прерывистых взрывах мин и грохоте куражливой стрельбы, об изувеченных конечностях, звуках и запахах человеческой смерти.

Часть вторая

La rue des betes⁸

1

Провидец

До Гавра еще было довольно далеко, но корабль заглушил двигатели и почти остановился, покачиваясь на темной зыби. Я покинул шумные нижние палубы после непростого часа в кают-компании, где я чуть не задохнулся в душном помещении среди множества страдающих морской болезнью мужчин. Я только что узнал, что мое звание капитан-лейтенанта (временно исполняющего обязанности) подразумевает некоторые привилегии, в том числе возможность укрыться снаружи на ветреной шлюпочной палубе. Стоял поздний вечер в холодном ноябре, и с юго-востока дул сильный ветер, но я стоял в темноте прямо за дверью, с благодарностью вдыхая чистый ледяной воздух. Мало кто из нас был настоящим матросом, и зыбь на море стала неприятным сюрпризом. Меня пощадила *mal de mer*⁹, но звуки и зрелище, царящие в кают-компании, все сложнее было переносить.

Я отошел от двери, ощупью пробираясь в темноте вдоль поручня. Палубу освещал лишь месяц, да и то лишь периодически, поскольку ветер гнал по небу густые облака. Когда-то здесь, наверное, стояли шезлонги для пассажиров, но их убрали. Теперь палуба превратилась в склад военной техники, которую я мельком видел при солнечном свете в Фолкстоне, когда мы поднимались на борт: грузовики, телеги, большие ящики, неопознанные предметы, скрытые под брезентом. Даже в дневное время невозможно было понять, что за *materiel*¹⁰ там прячется. Я искренне надеялся, что не боеприпасы.

Офицер корабля предупредил, чтобы я не покидал кают-компанию, но я один из немногих пассажиров, у кого есть выбор. Я был гражданским, который сразу получил звание, но новенькая униформа на мне не сидела и не шла мне. Я ощущал себя самозванцем, и людей вокруг меня, особенно команду корабля, обмануть не мог.

Я добрался до носа корабля в надежде увидеть оттуда бухту или по крайней мере хоть какую-то сушу. Не терпелось как можно быстрее сойти на берег и начать следующий этап путешествия. Лестницу, соединяющую палубы, загромождали мешки и ящики, и я пару раз ободрал голень. Квартирмейстер выдал мне шинель, и сейчас я мысленно поблагодарил его за комфорт.

Никаких признаков французских земель на горизонте не просматривалось. Поэтому я аккуратно спустился к корме, надеясь напоследок увидеть темный проблеск Англии, поскольку понятия не имел, когда вернусь и вернусь ли вообще. Снова ударившись голенью, я наткнулся на крутую металлическую лестницу, однако идея карабкаться вниз в кромешной тьме, не зная, что меня там ждет, не привлекала. Я остановился, размышляя, не удастся ли рассмотреть Англию отсюда. Брыз мел по незащищенной палубе, принося капли дождя или брызги ледяных волн Ла-Манша. Никогда раньше я не покидал берегов родной страны, поэтому не мог перестать думать о возможных опасностях, которые ждут впереди.

Я медленно побрел обратно к носу, поскольку приметил там место, где буду хотя бы частично защищен от ветра.

⁸ Улица животных (*фр.*).

⁹ Морская болезнь (*фр.*).

¹⁰ Оборудование (*фр.*).

На корабле не горел свет, но глаза постепенно привыкли к тусклому сиянию луны. Когда я вернулся, на моем месте уже кто-то стоял, съжившись в просторной шинели, судя по сгорбленной позе, замерзший и несчастный. Должно быть, он услышал мои шаги, поскольку, стоило мне подойти, протянул по-дружески руку.

Мы пожали руки в темноте, пробормотав шаблонные приветствия. Ветер унес слова. Я скорее почувствовал, чем услышал, как наши кожаные перчатки со скрипом трутся друг о друга.

– Вы в курсе, что происходит? – спросил я громко. – Знаете, почему корабль остановился?

Он наклонился вперед, приблизив лицо к моему и повысив голос:

– Я слышал, как кто-то из членов экипажа говорил, что затонуло еще одно судно. Неподалеку от Дьепа. Капитан сказал, что это вроде был плавучий госпиталь. По его словам, он и другие вахтенные офицеры видели вспышку на востоке и слышали взрыв. – Незнакомец замолчал, явно, как и я, в смятении от такой жуткой новости. – Капитан сказал, что собирался повернуть в Дьеп, но передумал.

– Это подводная лодка? Немецкая?

– А что еще? Возможно, мина, но подходы к портам Ла-Манша недавно разминировали. В этом районе есть и другие корабли, потоплен мог быть один из них.

– Плавучий госпиталь! Господи! – Новость ужаснула меня. Очередное суровое напоминание, что мы втянуты в страшную войну. – Представить не могу. Если все правда, то это настоящая катастрофа.

– Я понимаю, что вы сейчас чувствуете.

– Вы впервые покинули Англию с начала войны? – спросил я.

– Второй раз. Я был во Франции неделю назад, но недолго. А вы?

– А я впервые.

Я замолчал, так как, когда согласился на это задание, получил четкие инструкции ни с кем его не обсуждать. Работа, которую мне предстояло выполнить, считалась в высшей степени секретной, даже все подробности о ней я должен был узнать, только добравшись до места назначения во Франции. Последние две недели, готовясь к отъезду и пытаясь понять, чем конкретно могу принести пользу для фронта, я выработал в себе привычку не болтать лишнего. Мне уже далеко за пятьдесят, я слишком стар для армии или флота, по крайней мере я так думал, но назвали именно мое имя. Услышав призыв послужить родной стране в военное время, я почувствовал, что обязан ответить.

По манере держать себя я понял, что собеседник примерно моего возраста, а значит, вряд ли передо мной офицер на действительной службе. Мы стояли рядом в неловком молчании еще несколько минут, а потом внезапно услышали команды машинного телеграфа¹¹ и почти тут же увидели сноп искр и дым из трубы. Снова застучал огромный двигатель, и знакомая вибрация пробежала по надпалубным сооружениям. Из кают-компаний внизу раздались громкие ироничные возгласы, когда личный состав понял, что корабль тронулся с места. Наверное, они, как и я, испытывали безотчетное чувство безопасности, как будто движение могло уберечь нас. Пока мы стояли на месте, я не мог побороть страх, что целая стая немецких подлодок, наверное, мчится в нашем направлении, регулируя свои торпедные аппараты. Наш корабль был таким маленьким, перегруженным, с тонким корпусом и казался ужасно уязвимым, пока качался на поверхности беспокойного моря.

Мой собеседник, видимо, разделял мои чувства, поскольку, услышав возобновившийся стук двигателя, сказал:

¹¹ Устройство для передачи из ходовой рубки судна в машинное отделение команд для изменения режима работы двигателей.

– Вот так-то лучше. Скоро сойдем на берег. Даже если придется делать круг через Кале, это не так долго. Давайте спрячемся от ветра. Куда вы направляетесь, позвольте спросить?

– Я не могу сказать. Я при исполнении.

– Дайте подумать. Привлеченный штатский?

– Да. Я уполномочен называть себя тактическим консультантом.

– Прекрасно! И я! Наши миссии во Франции, по-видимому, схожи, разумеется, если не вдаваться в детали. Но придется держать рты на замке. Во благо, как говорится. Немецкие шпионы повсюду. Но полагаю, ничего страшного не произойдет, если мы представимся друг другу.

– Ну...

Теперь я стоял близко к нему, глаза привыкли к полуночной темноте, и я смог лучше рассмотреть собеседника. Он был ниже меня ростом, коренастый, а когда говорил, то покачивал головой в необычной, но привлекательной манере. Мы – два чужака, завязавших знакомство при неприятных обстоятельствах, но я чувствовал, что его происходящее забавляет и он не воспринимает серьезно ни меня, ни все вокруг. Хотя я помнил о предупреждении не болтать лишнего, но с трудом мог вообразить кого-то менее похожего на немецкого шпиона.

Мое представление на сцене в числе прочего включало и чтение мыслей, что требовало хорошего слуха и умения распознавать различные акценты английского языка. Этот человек говорил чисто, но где-то в гласных, в интонации слышались следы лондонского кокни, измененного классовым сознанием и влиянием высшего образования. Я представил, как он живет в благоустроенном пригороде Лондона или в процветающем городке где-то на юго-востоке страны. Интересная социальная смесь. Основываясь на таких вот обрывках интуитивных знаний, а в моем случае еще и на долгих годах практического наблюдения за незнакомцами, мы сформировали первые впечатления. В тот момент, когда вдалеке показались огни Гавра, я замерз, устал и ужасно проголодался. В подобном физическом состоянии, как часто оказывалось, мой мозг работает лучше всего. Я готов был скоротать остаток пути за умными разговорами. Мне хотелось понравиться собеседнику, поскольку я искал его компании.

После минутного размышления над его предложением представиться друг другу я произнес:

– Думаю, вы можете звать меня Том.

– Том! Рад знакомству!

Мы снова обменялись рукопожатиями.

– А вас как зовут?

– Позвольте подумать. Если хотите, то называйте меня... Берт.

Теперь рукопожатие стало крепче, чем раньше, более открытое дружбе. Том и Берт, Берт и Том. Два немолодых англичанина на корабле направляются на войну.

Мы остались стоять неподалеку от носа судна, частично защищенные от ветра. Примерно через десять минут корабль медленно заплыл между двумя большими стенами в порт. Мы почти не разговаривали, обоим не терпелось поскорее увидеть, где мы оказались. То и дело звонили судовые колокола, мотор несколько раз переменял тон. Кто-то на берегу крикнул что-то в сторону мостика, корабль издал пару гудков. Вскоре канаты, брошенные с судна, закрепили на причале, двигатель работал на холостом ходу, и после череды мягких медленных ударов в корпус корабль пришвартовался.

Мы услышали шум и оживление с палуб, расположенных ниже.

– Мне нужно забрать багаж, – произнес Берт через минуту. – Думаю, будет ужасная толчея, чтобы сесть на поезд. Полагаю, вы тоже путешествуете поездом?

– Да, у меня требование на перевозку первым классом.

– Как и у меня, – ответил Берт, – не думаю, что билеты первого класса чем-то отличаются от прочих в воинском эшелоне, но, возможно, у нас будут сидячие места.

Мы быстро и непринужденно договорились по возможности встретиться в вагоне первого класса того поезда, куда нас загрузят. На случай, если мы больше не увидимся, мы простились, пожелали друг другу хорошей поездки, а потом спустились в поисках нашего багажа на душные, зловонные и все еще задымленные нижние палубы.

2

Некоторое время спустя я сошел с корабля, пересек широкий причал и, изрядно потолкавшись, занял место в поезде. Я начал терять счет времени, казалось, уже целую ночь я терплю бесконечные задержки, усталость, шум, и при этом у меня постоянно мерзнут руки, лицо и ноги.

Наверное, близилась полночь. Я путешествовал, если этим словом можно описать то, чем я занимался, с раннего утра. Сначала добрался из дома в Бэйсуотер до Чаринг-Кросс ¹², вызвав такси, чтобы меня и багаж доставили быстро и с определенным комфортом. После этого все становилось только хуже, и остаток дня выдался просто адским. Да, благодаря брони мне дали место в вагоне первого класса, но это была лишь формальность. Купе пришлось делить чуть ли не с двумя дюжинами смехотворно юных солдат с розовыми сияющими лицами, большинство из них говорили с сильным акцентом: одетые в хаки, перемотанные портупеей, согбенные под весом огромных вещмешков и снаряжения. Они пребывали в приподнятом настроении, неизменно обращались ко мне «сэр» и в целом были приятной компанией. Тем не менее мы испытывали неудобство в такой толчее.

Наше медленное путешествие до Фолкстона превратилось в пытку: поезд редко когда двигался быстрее пешехода и останавливался, как казалось, на каждом семафоре между Лондоном и побережьем Кента. Когда мы наконец добрались до портовой станции, то первым делом толпа ринулась на поиски туалета, а потом выстроилась в очередь за чашкой чая и куском хлеба с маслом. Мы загрузились на корабль, но вместо того, чтобы с облегчением оказаться в относительно комфортных условиях, я обнаружил, что корабль битком набит солдатами, прибывшими раньше. Наш приезд лишь добавил неразберихи. Я долго терпел, понимая, что этих юношей нужно накормить и напоить так же, как и меня, а остаться в этой толпе, наверное, мой единственный шанс раздобыть что-то съестное.

Как только корабль отплыл, то направился не в Булонь, а в более отдаленный Гавр. Вот тогда-то беспокойное море вызвало у многих пассажиров приступ *mal de mer*, я сбежал на открытую шлюпочную палубу и встретил там нового друга Берта.

Я не смог найти его, когда сел в поезд, наверное, слишком увлеченно искал себе место. Однако мне удалось занять и еще одно рядом на случай, если он объявится. Вагон заполнялся быстро, поэтому держать место до бесконечности я не мог. Вскоре какой-то молодой рядовой из Ланкаширского фузилерного полка плюхнулся рядом. Он предложил мне сигарету и глоток из фляжки. Звали его Фрэнк Батлер, девятнадцати лет от роду, уроженец Рочдейла. Он впервые уехал из дома и сейчас с энтузиазмом рассказывал о пеших прогулках в Пеннинских горах, называя меня «сэр» по три раза в каждом предложении. Я начал клевать носом, несмотря на постоянную болтовню рядового Батлера. Теперь время текло беззаботнее, чем раньше.

Кто-то потряс меня за плечо:

– Капитан-лейтенант Трент, сэр?

Я открыл глаза и увидел, что надо мной нависал, склонившись под углом в толпе, высокий ефрейтор.

– Вы капитан Трент, сэр? Ученый?

– Да, все верно, я мистер Трент. Но...

– Я весь поезд обыскал, сэр. Мне приказано позаботиться о вас, но вы не там сидите, сэр, если можно так выразиться. Если я не пересажу вас на положенное вам место, то у меня будут неприятности, это точно.

¹² Конечная железнодорожная станция в лондонском Вест-Энде.

Манеры его были почтительными, тон – вежливым. Мне не хотелось навлекать на него неприятности, поэтому я насилу снял с верхней волки два своих огромных чемодана, в чем мне весело помогли солдаты. Поезд еще даже не отправился с портовой станции. Мы с ефрейтором с трудом открыли дверь вагона и наполовину выпрыгнули, наполовину вывалились на платформу.

– Они задержали поезд, пока я вас не найду, сэр, – прокричал ефрейтор через плечо.

Он подхватил чемодан побольше, и мы торопливо зашагали вдоль состава. Военные битком набились в каждый вагон так, что буквально выпирали из окон и дверей.

– Сюда, сэр. Вам будет куда удобнее, чем в этой толчее. Вас ожидает еще один джентльмен.

Мы добрались до хвоста состава и вошли в крытый вагон всего с двумя или тремя маленькими окошками. Ефрейтор проводил меня вверх по узкой деревянной лесенке, потопрапливая. Я все еще пытался пропихнуть чемодан вперед, когда почувствовал, как поезд дернулся и поехал.

Это был служебный вагон: огромное пространство с огороженной решеткой складской площадкой, со множеством флажков и фонарей, которыми пользовался *le chef de train*¹³. Здесь было тепло и горели фонари. За решеткой на деревянном стуле одиноко сидел мой друг Берт, прямо, но при этом расслабленно, опершись руками на трость и положив на руки подбородок. Рядом стоял второй стул.

Ефрейтор проводил меня в клетку, поставил чемоданы и убедился, что я удобно устроюсь. Поезд уже набрал некоторую скорость, и, понимая, что между вагонами нет крытого прохода, я начал беспокоиться за этого проворного молодого человека. Сам он беззаботно показал мне шкаф, где нас ждали кувшин с пресной водой, пара стаканов, два длинных французских багета, завернутых в белую папиросную бумагу, сыр и бутылка красного вина:

– Боюсь, хлеб немного подсох, сэр, но, наверное, все еще вкусный.

Все и впрямь выглядело чрезвычайно аппетитно.

Очень кстати ефрейтор пожелал мне спокойной ночи и пообещал зайти к нам с капитаном, когда поезд прибудет в Бетюн. Как только он начал спускаться по ступенькам, я увидел движущуюся платформу, а потом, словно его уход послужил сигналом, поезд резко остановился с громким визгом тормозов.

Тут и Берт проснулся. Он выпрямился и посмотрел на меня, мигая. Мы поздоровались.

– Рад, что вы здесь, – сказал Берт. – Я уж было подумал, что вы сели в другой поезд.

Я рассказал ему о случившемся, но потом, поскольку у меня урчало в животе, спросил:

– Не хотите немного хлеба и воды?

– Раз уж нас посадили в клетку, то это самая подходящая еда. – Он с довольным видом зажмурил голубые глаза. Мы оба подошли к шкафу. – Но, может, вместо воды немного вина?

– Разумеется!

Мы разломали батон пополам, взяли каждый по куску сыра и наполнили стаканы вином, после чего снова заняли свои места.

– Я слышал, как ефрейтор назвал вас капитаном.

– Наверняка. Я не бросил бы дом и семью и не стал бы страдать во французском поезде за меньшее. Вы тоже? Я так понимаю, вы моряк?

Он смотрел на мою униформу.

– Я не капитан, а капитан-лейтенант.

– Не слишком ли далеко вы уезжаете вглубь страны, чтобы вернуться на свой корабль?

¹³ Начальник поезда (*фр.*).

– Думаю, это сухопутный объект. – И снова я почувствовал гнетущую необходимость молчать, поэтому продолжил уклончиво: – Все это немного непонятно. А вы служите в армии, как я вижу?

– Верно. – Он с хрустом откусил кусок багета, и большие коричневые хлопья полетели на пол вагона. – Я требовал чин генерала, думая, что смогу сторговаться на полковнике, но они не поднялись выше капитана. Это немного смешно, как мне кажется, но в общем-то вся эта проклятая война несколько смехотворна. Я пытался донести эту мысль еще два года назад, когда все только начиналось.

– Не думаю, что молодые люди, с которыми мы путешествуем, считают войну смехотворной.

– Верно. Они просто мальчишки – вечная трагедия войны и тех, кто стал ее воинами. У меня самого два сына. К счастью, они еще школьники, и если повезет, им удастся избежать всей этой ужасной кутерьмы во Франции и Бельгии. Вы представляете, через что придется пройти молодым людям из этого поезда? И сколько из них никогда не вернутся домой?

– Будет еще хуже.

– Согласен. Обстановка накаляется пугающим образом, но я думаю, тут-то на сцене и появимся мы. Им нужны идеи, свежие идеи.

Больше он на эту тему не стал распространяться. Какое-то время мы сидели молча, наслаждаясь вкусным сыром и попивая вино. Во мне поднималась усталость, я оглядел вагон, но не заметил ничего, что смог бы использовать как матрас или койку. Лишь два деревянных стула бок о бок.

Очевидно, Берт понял, о чем я думаю.

– Мне кажется, – сказал он, – что поезд вряд ли отправится прямо сейчас. – Состав по-прежнему не двигался. – Перед вашим приходом я размышлял, не стоит ли открыть багаж и поискать какую-то одежду, чтобы разложить на полу, вон там, у стены. Я чувствую себя выжатым как лимон. Нужно где-то прикорнуть.

– Вы издалека добирались?

– Из Эссекса. Все шло хорошо, пока я не сел в поезд до Фолкстона. А вы?

– А я еду почти из центра Лондона. С Бэйсуотер-роуд в сторону Ноттинг-Хилл.

– Я немного знаю тот район. Жил там какое-то время. В Морнингтон-плейс неподалеку от Камдена.

– Понятно.

– У меня и сейчас есть маленькая квартирka в Лондоне, но большую часть времени я живу в сельской местности.

Предложение Берта соорудить из подручных средств постель было хорошим, поэтому мы осушили бокалы, закупорили пробкой бутылку, а потом принялись рыться в нашем багаже. Я уже подумал о своем плаще, который уложил последним вместе с другим реквизитом. Как ни пытался, я не мог придумать, каким образом тот мог бы мне пригодиться там, куда я еду, но поскольку он был неотъемлемой частью работы, мне показалось немыслимым оставить его дома. И надо же такому приключиться, что сейчас плащ идеально подошел для моих насущных нужд.

Плащ сшили по индивидуальному заказу, и в свое время он стоил мне кучу денег. Лицевую сторону изготовили из пурпурного атласа, а подкладку из теплого черного вельвета, а поскольку в нем было множество потайных слоев и карманов, она получилась очень толстой.

Я вытащил плащ из чемодана, сложил в четыре раза, чтобы добавить самодельному матрасу дополнительных слоев. Берт с интересом наблюдал за мной, но ничего не сказал. Он разложил на полу пару пальто и шерстяных свитеров. У меня голова кружилась от усталости, и приглушенные разговоры военных в соседнем вагоне почти убаюкивали. Я свернулся на атласном плаще, закутавшись в шинель, и уснул за считанные секунды.

3

Когда я проснулся, поезд уже двигался, но, наверное, медленно, поскольку не слышно было стука колес, а вагон легко покачивался. Солнечный свет лился через маленькое окошко в противоположной стенке. Мой спутник Берт пододвинул туда стул и смотрел на дорогу.

К нам присоединился начальник состава – *le chef de train*. Он был одет в темную куртку и шапку и сидел на табуретке в дальнем углу вагона, не обращая на нас никакого внимания и тоже уставившись в окошко рядом с собой. Меня впечатлили его густые висячие усы. Он заметил, что я проснулся, и приветствовал взмахом руки. Я поздоровался:

– *Bonjour!* Добрый день!

– *Bonjour, monsieur!* Добрый день, месье!

Эта беседа более или менее исчерпала мои познания во французском, поэтому, не желая показаться недружелюбным, я по-товарищески кивнул ему, встал, одернул одежду и направился к Берту. Тот приветствовал меня в своей привычной неформально-дружелюбной манере и сообщил, что ефрейтор заглядывал чуть раньше и пообещал, что еда на подходе. Он также указал на кабинку в углу вагона и сказал, что там можно найти удобства.

Ощущение физического облегчения, которое последовало незамедлительно, лишь незначительно подпортило примитивное обустройство туалета: просто круглая дыра в полу прямо над путевыми шпалами, которые медленно двигались под брюхом поезда, а по ним скользили под углом лучи низкого утреннего солнца. Тем не менее над голой раковиной торчал кран с холодной водой, и я был счастлив помыть лицо и руки, пусть и без полотенца.

Когда я вернулся в нашу клетку, стряхивая капли с ладоней, в узкой двери, соединявшей наш вагон со следующим, скорее всего через открытый переход, появился ефрейтор.

– Доброе утро, господа, – вежливо сказал он. – Капитан Уэллс, лейтенант Трент! – Он отдал честь. – Я решил, что вы не откажетесь съесть старой доброй английской говядинки, чтобы как-то скоротать день. Все оплачено из средств его величества. – Он нес две открытые банки с мясом, завернутые в тряпицу, которые поставил перед нами. – Мы сделаем остановку чуть позже, чтобы ребята отдохнули. Тогда вас и всех остальных ждет кружка чая и что-нибудь горячее. Разумеется, и глоток рома, раз уж вы морские офицеры, господа.

Я был рад, что нам предлагают что-то кроме багета, но мы доели и все остатки и сейчас сидели с Бертом бок о бок в нашей клетке.

Потом, вытирая рот, Берт сказал:

– Капитан-лейтенант Трент, да?

Я подтвердил.

– Том Трент? Томас Трент? Звучит знакомо. Я мог где-то слышать ваше имя?

– Могли, – сказал я, все еще желая проявить осторожность. – Я получил широкую известность под именем Томас Трент.

– Припоминаю...

– Слушайте, я не думаю, что нам нужно говорить слишком открыто...

– Вы беспокоитесь о нашем друге вон там... – Берт повернулся и приветствовал начальника поезда быстрым взмахом руки. – Я пытался поболтать с ним, пока вы не проснулись, и пришел к выводу, что его познания в английском примерно те же, что и у вас во французском. А то и меньше.

– Вряд ли это возможно, – заметил я.

– Сомневаюсь. А теперь, капитан-лейтенант Томми Трент, я не из тех людей, кто любит скрытность. Правда, и не излишне любопытен. Если я правильно оценил вас, то вы чувствуете примерно то же самое. Но думаю, нам есть что узнать друг о друге.

– Хорошо.

– И то правда. Позвольте, для начала я кое-что спрошу. Вы уже бывали на передовой? На линии фронта, поскольку я предполагаю, что мы направляемся именно туда.

– Нет, а вы?

– Да, я уже говорил вам, что бывал во Франции, но на самом деле ездил на линию фронта неподалеку от Ипра, а это в Бельгии. Полагаю, вы в курсе, каковы условия на фронте?

– В общем да. Газеты многое утаивают, но, как понимаю, окопы превратились в ад.

– Мягко сказано. То, что там творится, не передать словами, и это неопишимо опасно. Отсюда вытекает мой следующий вопрос, лейтенант Трент. Если вы собираетесь на Западный фронт и не питаете особых иллюзий по поводу происходящего там, то какого черта вам понадобился атласный плащ?!

Он спрашивал на полном серьезе, однако в светло-голубых глазах плясали веселые чертенята.

– Я собирался объяснить....

– И, пока мы не сменили тему, почему на этом плаще вышиты серебряные и золотые звезды?

Одеяние, о котором шла речь, все еще лежало там, где я его оставил, бесформенной кучей у стены вагона. Когда я клал его на пол, то специально сложил так, чтобы атласный верх со звездами не было видно, но во сне ерзал, продемонстрировав парадную сторону реквизита.

Вопрос Берта меня смутил. Теперь, когда я по-настоящему попал на театр военных действий, ну, по крайней мере был в непосредственной близости от него, то видел все в новом свете. Дома я рассудил, что меня пригласили на передовую развлекать военных. Развлечение – моя работа, моя карьера, мое призвание. Я знал артистов мюзик-холла, певцов, танцоров и комедиантов, которые уже отправились на фронт выступать перед солдатами. Если мне предстоит давать представления, то понадобится обычный реквизит, включая и плащ.

Какое-то время я подыскивал подходящие слова, а потом произнес:

– Вы сказали, что мое имя показалось вам знакомым.

– Но не знаю откуда.

– Дело вот в чем. Томми Трент – мое настоящее имя, но долгое время я использовал его в качестве сценического псевдонима. Я артист мюзик-холла. Теперь припоминаете?

Берт покачал головой.

– Раньше на афишах меня называли *Властелином Тайны*, но последние два года я выступаю как *Томми Трент, Мистериозо*.

– Вы чародей?

– Я предпочитаю называться фокусником. Или иллюзионистом. Но в общем-то вы правы.

– Если я могу так выразиться, это все объясняет, но при этом ничего не стало понятно.

– Тут я согласен, – кивнул я. – Я почти ничего не знаю о том, почему я тут, почему облачен в форму морского офицера и направляюсь на Западный фронт.

Я коротко изложил свою историю, а дело было вот как. Около пяти недель назад я давал представление в театре «Лирик» в Хаммерсмите, что в западном Лондоне. После субботнего представления отдыхал в гримерке, когда работник театра привел ко мне посетителя.

Это был капитан авиации по имени Симеон Бартлетт, действующий офицер ВМС Великобритании. Он похвалил мое выступление, добавив, что особо впечатлен одним фокусом. Речь шла о трюке, который я обычно припасал на самый конец представления. Я делал так, что хорошенькая молодая женщина (в тот вечер это была моя племянница Клэрис, регулярно со мной работающая) исчезала, растворяясь в воздухе.

Посетители нередко приходят за кулисы с комплиментами, но их реальная цель, как это часто оказывалось, заключалась в том, чтобы выведать мои секреты. Все фокусники связаны профессиональным кодексом чести, предписывающим не разглашать тайн. На самом деле трюк, так сильно впечатливший молодого капитана, выглядел сложным на сцене из-за реквизита, который для него требовался, а секрет был прост. Порой самые впечатляющие иллюзии зиждутся на столь элементарных вещах, что зрители бы не поверили, как происходят трюки в реальности.

Но это правда. Именно так было в тот вечер в театре «Лирик». Я проявил бдительность и, несмотря на приятные манеры и все более настойчивые попытки собеседника разузнать мой секрет, твердо стоял на своем.

Наконец капитан Бартлетт сказал:

– Можете ли вы подтвердить, что используете некий практический или научный метод, а не чары и колдовство?

Разумеется, я без колебаний подтвердил его правоту.

– В таком случае я почти уверен, что вскоре мы с вами свяжемся.

Как оказалось, он имел в виду вот что. На следующей неделе я получил официальное письмо из Военно-морского министерства, в котором мне предлагали отправиться в краткосрочную командировку, чтобы, как они выражались, «помочь нуждам фронта».

За этим последовала беседа с военными чинами, меня снова с пристрастием расспрашивали о моем секретном методе, но я, придерживаясь кодекса чести фокусников, смог лишь снова заверить, что метод этот, как они говорили, сугубо научный.

Чем больше они выводывали, тем сильнее я сомневался в том, что наука имеет какое-то отношение к правильно установленному свету и оконному стеклу.

– То есть вы собираетесь в подразделение ВМС берегового базирования, – задумчиво протянул Берт. – Это может означать только две вещи. Аэростаты или аэропланы. И то и другое находится в ведении авиации ВМС Великобритании. Но я все равно не понимаю, зачем вам плащ.

– Я прихватил плащ с собой потому, что он стал настолько неотъемлемой частью представления, что без него я как голый. Но я понимаю, что вы имеете в виду, говоря о неуместности. Что же до аэростатов и того подобного, то полагаю, я выясню, что происходит, только на месте. А вы?

– Я? Я не имею ничего общего с аэростатами.

– Я о вашем предложении узнать кое-что друг о друге. Мне было бы интересно что-то услышать о вас.

– Да у меня почти то же самое, – отмахнулся Берт, и тут я понял, что настал его черед почувствовать замешательство, хотя и не знал почему.

– Вы тоже фокусник?

– Ни в коем разе. Может быть, кто-то и примет меня за фокусника, но мое призвание куда скромнее.

Он опирался на трость, поскольку поезд наконец набрал скорость и вагон раскачивался из стороны в сторону.

– Думаю, меня можно назвать человеком, вечно сующим всюду свой нос, именно так обо мне и говорят некоторые злопыхатели. Да, это меня характеризует. Я не могу перестать указывать людям, которые движутся не в ту сторону. Проблема в том, что никто не слушает! Еще больше меня раздражает, что, когда все идет наперекосяк, как я и предупреждал, они разворачиваются и накидываются на *меня* с обвинениями, почему я не предупреждал их активнее. Поэтому в следующий раз я иду другим путем, пробую новые аргументы, но в конце все то же самое. Я пытаюсь сохранять спокойствие, всегда пробую воззвать к их разуму. Но я не унываю: то, что они полагают вмешательством в чужие дела, я считаю декла-

рацией идей. Я верю в человеческий разум, а идеи – моя профессия. Думаю, именно благодаря своей вере я и оказался в этом поезде с вами, лейтенант Томми Трент, Властелин Магии, Тайны, или как вы там себя называете. Это моя награда за то, что я постоянно лезу в чужие дела, несомненно заслуженная.

– Заслуженная награда? – переспросил я. – А говорите как о наказании.

– Это я иронизирую, разумеется. Знаете, Том, когда эта проклятая война только-только разразилась, я написал серию небольших статей для газеты. Всем известно, что у меня есть мнение по разным вопросам, в том числе и о войне. Потому эти статьи вышли в виде книги. Когда меня что-то волнует, то писать – способ выпустить энергию. Я ведь знал, что война надвигается, предвидел ее много лет назад. А теперь вкушаю ужас войны, понимаете, но не то чтобы сопротивляюсь. Ничего не имею против немецкого народа, однако немцы позволили расцвести пышным цветом сразу двум бедам. Ими управляет прусский империализм, а в экономике верховодит Крупп, поставщик вооружения. Крупп и кайзер стоят рядом. Это бесчеловечная система. Нужно занести над нею меч, меч во имя мира. Я не хочу разрушать Германию, лишь изменить так называемые умы, которые сейчас правят страной. Когда война будет выиграна, нужно поставить перед собой цель – нарисовать заново карту Европы, создать своего рода лигу наций, в которой право голоса будут иметь и простые люди.

Я уставился на него с волнением и узнаванием:

– Это было в «Войне против войны».

Берт хмыкнул в знак согласия.

– Я читал эту книгу! Она есть у меня дома! Она произвела на меня сильное впечатление.

– Я уже не так в ней уверен. Теперь, когда видел, что в действительности происходит.

– Но вы не могли написать ту книгу! Ее автор Герберт Джордж Уэллс!

Капитан Уэллс снова кивнул. Я вскочил в изумлении, потом резко сел, поскольку вагон качался, и схватился за край стула.

– То есть вы...

– Прошу, называйте меня и дальше Берт, – сказал этот великий человек. – Полагаю, так будет безопаснее. Как думаете, мы скоро остановимся? Я бы выпил чашечку чая.

4

Весь день поезд медленно пересекал северную Францию. Мы мельком видели сельскохозяйственные угодья, равнинные пейзажи, крестьян, занятых ручным трудом, шпили церквей вдалеке. Единственные деревья, которые попадались, – высокие тополя. Нам с Бертом о многом хотелось поговорить, но мы по очереди поднимались, чтобы посмотреть в окно. Почти ничего не было видно.

В течение дня поезд дважды совершил остановку, мы испытывали при этом тихое облегчение, зато соседние вагоны приветствовали стоянку громкими одобрительными криками. Оба раза всем предложили горячее, и мы с Бертом участвовали в раздаче наравне с военными, скорее получая удовольствие от добродушной схватки, кому достанется чашка чая, плошка супа больше и кусок мяса посочнее. Несмотря на невыносимую сутолоку в поезде, всем удавалось сохранять хорошее настроение. Да, приходилось поработать локтями, чтобы добраться до уборных или получить добавку, но постоянно ощущался дух товарищества, что мне показалось обнадеживающим.

Ефрейтор ждал нас оба раза, когда мы спускались, бесконечно вежливый, он стремился выполнить любое наше требование. На первой же остановке у нас чудесным образом появилась горячая вода, крем для бритья, мыло и чистые полотенца. Нам с Бертом было неудобно, что мы едем вдвоем в таком просторном вагоне, да еще и наши насущные потребности удовлетворяются. Я понимал, в каких стесненных обстоятельствах путешествуют все остальные, и мне было неловко просить что-то еще.

Тем временем я испытывал благоговение перед своим прославленным попутчиком и наслаждался беседой, которая продолжалась большую часть поездки.

Второй раз, ближе к вечеру, поезд остановился на маленькой сельской станции, безымянной и непримечательной. Мы вышли из вагона, как обычно, нас приветствовал ефрейтор, и мы оба слышали громовой грохот, который приглушенно, но постоянно раздавался в отдалении.

Берт помрачнел:

– Уже близко.

Мое сердце замерло.

– К вечеру доберемся, – сказал я.

– Одно приятно. По крайней мере сейчас не идет дождь и, по-видимому, не шел уже какое-то время. Грязнее не будет. Скоро вы узнаете все, что можно узнать о грязи. Как и эти юноши, увы.

Те уже роем двигались по деревянной платформе к полевой кухне. Вокруг нее поднимался пар, и в холодном воздухе мы учуяли утешительный запах жареного бекона. Мы подошли туда же, заняли свое место в более короткой из двух очередей и ждали своей порции.

Отдаленный грохот артиллерии не стихал, но теперь, отойдя подальше от поезда, я слышал и пение птиц. В поле рядом с палаткой двое крестьян медленно разговаривали по-французски.

Взяв багеты с двумя жирными ломтями бекона, мы вернулись обратно и заняли свой приватный вагон.

Теперь, когда я узнал, кто на самом деле мой попутчик, все сложнее и сложнее было воспринимать его как «Берта». По мере того как росла моя уверенность, я попытался убедить его в этом – мне было сказано, что он смутился, когда мы представлялись друг другу. В кругу семьи и близких друзей все зовут его Берти, но это имя не слишком уместно, когда

мы так близко к линии фронта. Я ответил, что рад был бы обращаться к нему как к Г. Д.¹⁴, ведь именно под таким именем его знала публика. Он ответил, что откликается и на такой вариант, и, казалось, это его позабавило.

Но как бы мы друг к другу ни обращались, провести день один на один в компании с величайшим провидцем и мыслителем нашего времени казалось мне бесценной привилегией. Сам Г. Д. был человеком скромным, постоянно пытался принизить свои заслуги, но в то же время уверенным в правоте собственных суждений. Он то и дело начинал в занимательном ключе разглагольствовать, выступая против того, что считал «силами тупости»: власть имущих или тех, кто недооценивал дух исканий у простых людей. Голубые, как колокольчики, глаза моего собеседника загорались от увлеченности, веселья или злобы, он выразительно размахивал руками, и проигнорировать его уже не представлялось возможным. Его переполняли идеи и суждения, и у него был готов гениальный ответ или предложение касательно практически любой проблемы, о которой я заводил речь.

Затем он внезапно замолкал, извинялся за то, что полностью перехватил инициативу в разговоре, и задавал мне какие-то обезоруживающие вопросы обо мне самом.

Он оказался одним из немногих людей из числа моих знакомых, с кем я рад был обсуждать принципы и приемы магии. Старая привычка хранить секреты все еще не выпускала меня из своих цепких лап, но я не видел ничего плохого в том, чтобы научить его паре простых трюков. Я показал, как спрятать в ладони игральную карту, как сделать, чтобы карта оказалась у кого-то другого, как заставить сигарету раздвоиться или исчезнуть. Все это вызывало у Г. Д. почти детский восторг. Несколько минут мы развлекались с вещами из моего реквизита, вызвав явный интерес у начальника поезда, который молча сидел в углу со своими флажками, приглаживая усы и наблюдая за нами серьезным взглядом.

Но магия – мой хлеб насущный, ничего нового. Разговор с Г. Д. казался куда более интересным и непростым.

Например, он спросил, знакомо ли мне понятие «тельфер». Я ответил «нет» и попросил рассказать поподробнее. Но вместо этого он задал другой вопрос: доводилось ли мне когда-либо работать в универмаге. И я снова ответил «нет».

Это тут же побудило его поделиться вроде как не относящимися к делу волнующими воспоминаниями о юности, когда мать пристроила его в магазин тканей в Саутси. Далее последовала целая серия ужасающих или забавных историй: о безжалостно долгих часах, ужасной еде, нестерпимой скуке в компании тупиц. Рассказ напомнил мне об одном из его романов, который я читал несколько лет назад, «Киппсе. Истории простой души».

– Именно! – воскликнул он звенящим от восторга голосом. – Там все правда!

Затем потоком хлынули истории о нечестных кассирах, глупых учениках и эксцентричных клиентах. Большинство были весьма забавны. Французские пашни тянулись за окном со скоростью улитки, но мы на них не смотрели, день убывал, а вечер приближался, пока мы, пошатываясь, двигались в сторону войны. Начальник поезда зажег несколько ламп в вагоне.

Наконец Г. Д. вернулся к тельферу:

– Этой системой пользуются в некоторых больших магазинах. Когда вы подходите оплатить рулон хлопка или мотки пряжи, подсобный рабочий кладет ваши деньги и квитанцией на оплату в маленький металлический контейнер, прицепленный на крюке к веревке над головой, тянет за ручку, и контейнер под потолком несется через весь магазин к кассе. Через пару минут он со свистом возвращается с вашей сдачей и чеком, и на этом операция закончена.

Я сказал, что, разумеется, видел подобное десятки раз.

¹⁴ В Англии есть обычай именовать знаменитых современников лишь инициалами.

– Этот маленький металлический контейнер называется тельфером, а подвесная дорога – тельферной линией.

Я ждал продолжения, но он усталился в сторону, возможно, припоминая какой-то случай времен работы в магазине тканей. В конце концов я попросил его объяснить свою мысль.

– Все дело в грязи, понимаете. – Г. Д. снова сосредоточился, и я понял, что постоянное возвращение к этой теме означало, что она входила в число излюбленных. – Вы даже представить себе не можете, сколько грязи в окопах на линии фронта, пока не испытаете на своей шкуре. Ну, и грязи полно везде, если уж на то пошло. Больше всего в окопах, но и в других местах! Порой грязи по колено. Эта мерзкая отвратительная вонючая жижа плещется повсюду, куда ни пойдешь. Пока я не посетил Ипрский выступ¹⁵, я даже подумать не мог, насколько все плохо. Самое скверное заключается в том, что грязь может убивать. Наши войска вынуждены перетаскивать вручную большую часть амуниции, а также вещмешки, винтовки и еще кучу всего. Они передвигаются с полной походной выкладкой, используя приспособление, которое называется «рождественской елкой». Это такой ремень, который по задумке позволяет повесить все на себя, но места вечно не хватает, а потому часть вещей приходится нести в руках. Меня беспокоит амуниция. Дьявольски тяжелая! А значит, большинство солдат, заступающих на военную службу, успевают устать раньше, чем начнут сражаться. Некоторым приходится пройти больше миль, перетаскивая фунты дополнительного веса, причем идут они в основном по грязи. Если упасть вниз лицом со всей этой ношей, то велики шансы, что вовремя вы просто не выкарабкаетесь. Когда я был на Ипрском выступе, мне рассказали, что за неделю в среднем три британских солдата погибают в результате подобного происшествия. Утонуть в грязи! Это отвратительно! Нельзя допускать подобного.

Г. Д. приберег часть багета с беконом, сейчас отломал кусок и задумчиво жевал.

– Поэтому, когда я вернулся в Лондон и ужинал с Уинстоном Черчиллем, он спросил меня...

– Вы сказали «с Черчиллем»? Политиком? Первым лордом Адмиралтейства¹⁶?

– Вы же теперь служите на флоте, и он ваш главнокомандующий. Все верно, с первым лордом. Ну, не то чтобы он был моим близким другом. Отнюдь. Не хочу, чтобы у вас создалось превратное впечатление. Он политик, а когда ужинаешь с политиками, приличествует запастись длинной ложкой¹⁷. Они зациклены на себе, почти все. Но могут пригодиться таким, как я, особенно если речь идет о столь предельно амбициозном человеке, как мистер Черчилль. Он все еще «младотурок»¹⁸, который не возражает против того, чтобы время от времени изменить пару правил. Обо мне не высокого мнения. На самом деле именно он одним из первых заявил, что я постоянно всюду сую свой нос. Упомянул меня в одной из своих газетных статей, когда я опубликовал книгу о...

– Вы рассказывали мне о тельферной линии, – напомнил я.

– Именно. Оказалось, что Уинстон Черчилль приходится кузеном одной молодой скульпторше, с которой я весьма дружен. Я знаю, вы и не ждете, что я назову ее имя. Короче говоря, однажды вечером я ужинал с ней, и тут внезапно появился мистер Черчилль и присоединился к нам за столиком. Речь зашла о том, как солдатам приходится перетаскивать на себе всю амуницию в сторону линии фронта. Черчилль отлично осведомлен об этом и разделяет некоторые мои тревоги. Он сообщил, что и сам какое-то время провел в окопах и не понаслышке знает обо всех проблемах из-за этой грязи. И тут, пока я сидел рядом с ним, на

¹⁵ Местность в окрестностях города Ипр, известная тяжелейшими сражениями Первой мировой войны.

¹⁶ Должность, означающая председательство в комитете лордов Адмиралтейства.

¹⁷ Видоизмененная пословица «Тому, кто ужинает с дьяволом, нужна длинная ложка».

¹⁸ Так называли воинственно настроенных участников какой-либо группы, фракции, партии, ярых сторонников радикальных реформ (по аналогии с названием участников буржуазного революционного движения в Турции в начале XX века).

меня вдруг снизошло озарение. Внезапно я подумал о тельферной линии – можно было бы оборудовать крупную тельферную систему с веревками, которые способны выдержать вес коробок с амуницией, а может, даже и пары-тройки солдат, приводить ее в движение мотором грузовика, и тогда все будет намного быстрее, кроме того солдатам не придется проливать столько крови и пота, барахтаясь в грязи, и благодаря этой конструкции наши парни меньше будут подвергаться опасности. Всю ночь я не спал, размышляя, как же заставить систему работать, а несколько дней спустя передал мои планы в Адмиралтейство. Черчилль лично выразил заинтересованность, затем начальники штабов подергали за ниточки. И вот я тут. По пути на фронт, где смогу извлечь пользу из опыта работы в магазине тканей.

Он подробнее рассказал, как действует придуманная им система, как сделать ее переносной, кто будет ею управлять и так далее, и, хотя я внимательно слушал, должен признаться, мысли мои скакали от одной темы к другой. К примеру, сам факт моего путешествия в компании с Г. Д. предполагал, что, возможно, и на меня возложена подобная миссия. Но в отличие от него я не имел ни малейшего понятия, в чем она заключается и зачем вообще меня вызвали на фронт.

Я был заворожен компанией Г. Д. Он излучал ум и целеустремленность, при взгляде на него все казалось возможным. В тот момент, наверное, он являлся самым известным писателем в стране, а то и в мире. Я же, напротив, хоть и пользовался определенной известностью в узких театральных кругах, но в меньшей степени руководствовался вдохновением, скорее четко следовал процедуре. В этом крылась разница между нами.

То, что я делаю во время представления, выглядит чередой чудес, но в реальности подготовка магической иллюзии – процесс весьма прозаичный. Мало кто знает, сколько раз нужно отрепетировать номер и что за ним стоит. Трюк часто требует технических помощников, которые посодействуют в проектировке и сооружении реквизита. Движения фокусника на сцене – результат долгих и терпеливых репетиций, при этом в глазах зрителей эти движения должны выглядеть естественными и спонтанными. Другими словами, это приобретенный практический навык. Только в ходе представления и в свете прожекторов магия выглядит вдохновением. Даже в самом лучшем случае это максимум иллюзия. Вещи не являются тем, чем кажутся.

Я чувствовал себя посрамленным в лучах заразной энергии этого великого человека. Его воображение напоминало факел, ярко горевший в старом потрепанном вагоне. Война вот-вот будет выиграна! Германия падет, а Британия выйдет победительницей! Тысячи спасенных жизней! Достаток для каждого. Демократия для всех. Наука подтолкнет прогресс, а прогресс изменит общество.

5

Поезд въехал в городок Бетюн, когда дневной свет угасал в западной части неба. Кое-где на улице горели огни, но немного, кроме того, их специально затемнили, чтобы приглушить излишнюю яркость. Пока состав с грохотом двигался по окраине городка, мы с Г. Д. прижались к крошечным окошкам, пытаясь хоть что-то рассмотреть. Сначала показалось, что здания особо не пострадали, но, когда поезд замедлил ход и мы подъехали к вокзалу в центре города, стало ясно, как много артиллерийских снарядов здесь упало.

Стало ясно, что жизнь, которую я вел в Лондоне, основывалась на ложном понимании войны. Новости с фронта приходили регулярно, наверное ежедневно, но обычно войну изображали как некое отдаленное событие, разворачивавшееся за границей, а не как что-то, угрожающее повседневной жизни обычных британцев. Но этой «заграницей» была Франция, до которой через море рукой подать, и битвы, проигранные здесь, почти наверняка приведут к захвату и оккупации моей родной страны враждебным иностранным государством.

Кругом говорили, что вокруг все меньше становится молодых парней, почти у всех в армию ушел сын, брат, или возлюбленный, или, по крайней мере, кто-то из близких друзей, но при этом никто не связывал происходящее с непосредственной угрозой. Дефицит товаров раздражал, но не указывал на кризис. Ходили слухи, что цеппелины¹⁹, эти накаченные газом небесные чудовища, вот-вот сбросят тысячу бомб на наши дома, но они так и не появились. Комедианты в мюзик-холле высмеивали их, в то время как угроза оставалась лишь угрозой.

Это смутное чувство беспокойства теперь осталось за моей спиной, а окружала меня реальность. В темноте я видел черные поля за пределами города, и небо над ними постоянно озарялось бесконечными вспышками. Неоспоримые свидетельства в виде разрушенных зданий во всех районах Бетюна и многочисленные груды необранного щебня подчеркивали близость войны.

Когда поезд наконец остановился, то толпа солдат устало высыпала на платформу, а мы с Г. Д. замешкались, прежде чем к ним присоединиться. Мы заново упаковали багаж, но в глубине души ждали, что сейчас объявится ефрейтор и сообщит, куда идти дальше.

Солдаты выстроились повзводно на платформе: в касках на головах, с вещмешками за спиной и винтовками на плече. Приказ эхом облетел сводчатую крышу вокзала, и вот уже первый взвод молодых людей зашагал прочь, демонстрируя впечатляющую дисциплину. Мы отлично понимали, как сильно они, должно быть, устали после долгого путешествия в переполненном поезде, но рядовые не подавали виду.

После того как удалилась третья рота, платформа опустела. Начальник поезда покинул нас сразу же, как состав остановился, и теперь мы с Г. Д. остались одни. Ефрейтор куда-то пропал.

– Видимо, теперь каждому пора своей дорогой, – сказал мне Г. Д. – Меня здесь встречают, по крайней мере так сказали. А вас?

– Думаю, меня тоже кто-то должен встретить, – ответил я, но неуверенно. У меня не было сведений на этот счет.

– Отлично! Уверен, все будет в порядке. А теперь давайте прощаться! Мы путешествовали довольно долго, и я дико устал.

Мы пожали друг другу руки крепко и по-дружески, после чего Г. Д. спустился на платформу. Мои вещи все еще стояли на полу рядом со мной, я подхватил их и двинулся следом за ним. С верхней ступени лестницы я видел спину моего прославленного друга, который

¹⁹ Дирижабли жесткой системы.

медленно брел к выходу. Внезапно меня поразила мысль, что, возможно, мы с ним никогда более не встретимся. Впереди меня ждали исключительные опасности.

Подчиняясь порыву, я крикнул вслед:

– Мистер Уэллс!

Он умудрился услышать меня, оглянулся и медленно зашагал обратно. Я спустился по лестнице вместе со своим громоздким багажом.

– Простите, что я вас снова задерживаю, мистер Уэллс... то есть, простите, Г. Д. Я просто хотел сказать, что знакомство с вами доставило мне настоящий восторг, и я получил истинное удовольствие от нашего общения.

Он пожал плечами в ответ на комплимент, но при этом весело улыбался:

– Мне тоже было очень приятно, уверяю вас. Я не забуду все то, что вы поведали о своих секретных методах. Не часто встретишь Властелина, способного проглотить зажженную сигарету.

6

И снова Г. Д. шагал впереди меня. Я возился с багажом, тщетно надеясь увидеть носильщика. Через несколько минут, когда я с трудом вышел с вокзала, Г. Д. уже и след простыл. Я стоял перед широкой дорогой. Ритмичный звук солдатских сапог таял вдали. Я так понял, что моего попутчика ожидал быстрый и радушный патруль, который подхватил его и унес прочь.

Поверх темных силуэтов зданий яркие сполохи артиллерийских залпов вызывали ощущение дурного предзнаменования. Некоторые из домов были повреждены, и я видел изломанную линию горизонта с торчащими обломками крыш, стен и деревянных балок. По улицам прокатился глухой рык, напоминавший гром.

Я уже морально готовился провести какое-то время в окопах. Яркие описания Уэллса ужасали меня, но было поздно что-то менять. Я сам согласился на это.

Стоя в одиночестве, я размышлял, что делать дальше. В кармане лежала единственная письменная инструкция, которую мне прислали, поэтому я достал листок и развернул в тусклом свете, лившемся из здания вокзала.

На фирменном бланке Адмиралтейства кто-то написал: «эск. 17, La rue des bêtes, Бетюн».

Улица Животных? Я понятия не имел, откуда начать ее поиски. Я не говорил по-французски, у меня не было карты города, да и в любом случае кругом ни души. В домах почти не горели огни. Меня начала пугать та ситуация, в которой я оказался.

– Капитан-лейтенант Трент, сэр!

Я резко повернулся. За моей спиной материализовался молодой офицер королевского флота, он стоял по стойке смирно и отдавал честь.

– Простите, что не успел встретить вас у вагона, сэр!

Я ответил:

– Благодарю. Пожалуйста... м-м-м... вольно! – Я в ответ тоже отдал честь, чувствуя себя неуклюжим и неловким. В тусклом свете увидел, что парень одет в такую же форму, как и я.

– Капитан авиации Симеон Бартлетт, сэр!

– Здравствуйте!

– Мы уже раньше встречались. Надеюсь, вы меня помните? Мы познакомились в Лондоне, когда вы пустили меня за кулисы. После представления в Хаммерсмите.

– Разумеется. Рад снова вас увидеть.

– Я на фургоне нашей эскадрильи, так что насчет багажа не беспокойтесь. Хорошо доехали из Англии?

Меня очаровали его непринужденные хорошие манеры, он вел себя со мной так, как и положено, без излишней серьезности, но учтиво. Он подхватил чемодан потяжелее и проводил меня к выкрашенному в коричневый цвет фургону. Я заметил машину, стоявшую перед вокзалом, но не мог и предположить, что это за мной.

– Вы что-нибудь ели в поезде, сэр?

– Сейчас я не особо голоден, – ответил я.

– Хорошо, поскольку мне велено отвезти вас прямоком на базу, а там уже вас ждет ужин. Не совсем «Кафе Роял», но мы питаемся куда лучше, чем бедняги в окопах.

Как только я уселся, он несколько раз энергично провернул стартер, через мгновение мотор ожил и громко заурчал. Бартлетт прыгнул на водительское сиденье, и мы поехали. По дороге он знакомил меня с окрестностями, а мотор кашлял и шумно сопел. Через незакрывавшееся окно тянуло сильным холодом. Бартлетт рассказывал о различных зданиях, что

мы проезжали, но зачастую его реплики звучали удручающе кратко и однообразно, например, «Здесь раньше располагался рынок». Многие пострадали от снарядов, и теперь в темноте казались просто расплывчатыми силуэтами. Он поведал мне, что большинство жителей покинули Бетюн: сначала они оставались, невзирая на эпизодические артобстрелы, но несколько недель назад линия фронта сместилась ближе к городу, теперь взрывы звучали чаще. Город постепенно становился непригодным для жизни или, по крайней мере, для нормальной жизни.

Я спросил:

– А где эта улица Животных? Мне приказано прибыть туда.

– Я вас туда и везу.

Мне показалось, что позади осталась большая часть города и теперь мы уже двигались по сельской местности. Но было слишком темно, я не мог утверждать что-либо с уверенностью. Фургончик дергался и постоянно трясся на неровной дороге, но всякий раз, когда мы замедляли ход, пропуская пешую колонну, я понимал, что предпочитаю ехать, а не идти.

Сначала меня смущал неформальный язык молодого капитана, который, казалось, половину времени говорил о кораблях. Как подметил Г. Д., мы были очень далеко на суше. Я ничего не стал говорить, не желая показаться неосведомленным в делах флота, решив, что в итоге все прояснится. Вместо этого я решил поднять тему, которая вызвала у меня недоумение.

– Позвольте спросить, – начал я, перекрикивая шум мотора, – вы сказали, что ваше звание – капитан авиации?

– Так точно, сэр! Служу в авиации ВМС Великобритании!

– Многие ли капитаны авиации наделены полномочиями выдергивать немолодых гражданских из мирной жизни и тащить их на Западный фронт?

Он громко рассмеялся:

– Ни у кого из нас нет таких полномочий. Я ничем не отличаюсь от любого другого военного в таком же звании, но мой дядя – штабной офицер Западного военно-морского округа. Вице-адмирал сэр Тимоти Бартлетт-Рearдон, о котором вы, возможно, слышали? – Я покачал головой, но в темноте он этого не увидел. – Мы с адмиралом много раз обсуждали в неформальной обстановке морскую стратегию, разумеется, исключительно неофициально. Он человек открытый и смелый, отлично подходит для руководства боевыми действиями на этой войне. Но, как и я, он порой разочарован отсутствием прогресса в борьбе с бошами²⁰ и ищет новые способы ведения войны. Мы с ним обсуждали пару идей, и после того как я посмотрел ваше представление, то подкинул ему еще одну. Он организовал ваше назначение.

Я уставился на грязную дорогу впереди, рассеянно представляя, как по ней бредет Г. Д.

– То есть это вас я должен благодарить за поездку?

– Думаю, вскоре вся страна будет благодарить вас, сэр.

– Мне бы безмерно помогло, – заметил я, – если бы я знал, чего вы от меня хотите. Я-то считал, что вы всего лишь желаете развлечь солдат.

– О нет! Я задумал кое-что более полезное!

Капитан Бартлетт объяснил, что мы едем на летное поле, которое находится в ведении авиации ВМС. Оно расположено на достаточно безопасном расстоянии от линии фронта, вне пределов досягаемости артиллерии противника.

– Мы держим ухо востро, – его голос был еле слышен на фоне грохота мотора. – Постоянно доходят слухи, что у немцев есть какие-то огромные пушки Крупна, которые могут разрушить Париж. Если у них такая пушка появится, то они, наверное, будут сначала тренироваться на таких людях, как мы. Им не нравится, что мы тут вытворяем.

²⁰ Бош – презрительное прозвище немцев во Франции.

– И что же это? – закричал я.

Бартлетт нажал на тормоза и свернул на обочину. На лобовое стекло полетели комья грязи. Он не выключил мотор, и тот тихо урчал.

– Не хочу, чтобы вы пропустили хоть слово из того, что я скажу. Нас никто не слышит, – проговорил Бартлетт нормальным голосом. Вокруг нас сгустилась тихая темная ночь. – Наша эскадрилья выполняет функцию воздушных корректировщиков. Мы летаем низко и медленно над вражескими окопами. Нужно запомнить, что там у бошей, а потом вернуться и отрапортовать, пока мы еще помним, что видели, описать картинку людям, которые обновляют карту окопов. Обычно наблюдения ведутся невооруженным глазом, но в некоторых самолетах есть фотографические аппараты. Мое личное мнение – от этих фотокамер проблем больше, чем пользы. Они тяжелые, громоздкие и занимают почти всю заднюю кабину, где обычно сидит другой член экипажа. Пилоту приходится отправляться на вылет одному, то есть он не только держит штурвал одной рукой, пока снимает на камеру, но нет никого за спиной, кто защитил бы самолет пулеметной очередью. Результаты всегда оставляют желать лучшего. На проявку фотографий уходит пара дней, а за это время, скорее всего, все изменится. Снимки получаются размытыми, поскольку двигатель вибрирует и самолет движется. Мы постоянно придумываем способы летать медленнее.

– Не будет ли безопаснее, наоборот, летать быстрее?

– Разумеется, но тогда мы вообще ничего не увидим.

– Полагаю, немцы стреляют по вам.

– Да, и чертовски точно. Огонь в основном ведется из стрелкового оружия, но иногда в ход идет и кое-что посерьезнее. Так называемые зенитки. Палят прямо с земли. Мы теряем кучу машин, но что важнее – теряем личный состав. Пилоты на вес золота, разумеется, как и другие члены экипажа. Проблема в обшивке, да. Когда мы летим слишком быстро или слишком высоко, то ничего не видим, а когда двигаемся на нужной высоте и с подходящей скоростью, немцы тут же берут нас на мушку.

– И каково же решение?

– Именно поэтому вы здесь. Я видел, как вы заставляете людей исчезать.

– Да, но...

– Я понимаю, профессиональная этика. Вы не скажете мне, в чем ваш секрет. Кроме того, я понимаю, что вещи не исчезают по-настоящему. Но вы умеете делать их невидимыми. Это все, что нам нужно. Я хочу, чтобы вы показали нам, как сделать самолет невидимым.

– Но это же просто иллюзия. Я не могу...

В этот момент другой автомобиль с ревом помчался по дороге в нашу сторону, в ярком свете фар вздымались фонтаны грязи, поднятые машиной. Капитан Бартлетт тут же тронулся с места, крикнув, что у нас фары работают только на скорости. Это оказалось правдой – мы благополучно миновали другой автомобиль, избежав столкновения. Я держался, пока мы снова раскачивались на неровной дороге.

Вскоре наш фургон неожиданно чуть не провалился в огромную воронку, и капитану пришлось резко выкручивать руль. Меня мотало из стороны в сторону в тесной кабине.

– Это новая, – сказал Бартлетт. – Ее тут не было, когда я ехал вас встречать. Наверное, случайный снаряд. Вам стоит надеть каску.

– А мне не выдали.

– Получите на складе. Когда немецкие пушки начинают палить, никогда не знаешь, откуда прилетит следующий кусок металла.

Но про себя я отметил, что сам-то он без каски, в фуражке, залихватски заломленной назад.

Мы ехали дальше, уже не пытаюсь беседовать, перекрикивая шум мотора. Я испытывал некоторое облегчение, поскольку разговор слишком близко затронул неудобную для меня тему.

Трюк, который я демонстрировал публике в тот вечер, когда в театр пришел капитан Бартлетт, я частенько выбирал в качестве логического завершения представления. Моя племянница Клэрис, чья жизнь, казалось, находится в большой опасности, поразительным и необъяснимым образом испарялась. При этом на сцене фактически ничего не было. Зрители видели, что в момент, когда все происходило, я не приближался к девушке. Все казалось настоящим чудом, но на самом деле было не более чем постановочным фокусом, причем не особо сложным. Он требует правильной установки реквизита и смены освещения по сигналу, что требуется отработать с техперсоналом театра, но в ход идут исключительно стандартные техники иллюзиониста. Те же методы используют каждую неделю в десятках театров многие другие люди моей профессии. Так что это не только мой секрет.

Подходящий ли момент сейчас, когда меня везут во французской ночи к действующей военной эскадрилье, сообщить этому приятному и умному молодому человеку, что его обманули? Моя милая племянница не исчезла и не стала невидимой, он просто потерял ее из виду.

В действительности я не могу заставить ее исчезнуть и уж точно понятия не имею, как бы заставил испариться самолет-шпион авиации ВМС.

Я начал копаться в себе, меня охватило чувство, знакомое другим фокусникам. Иногда нам приписывают способности куда бóльшие, чем те, которыми мы обладаем. Обычно все недоразумения можно объяснить или перевести в шутку, но тут я попал в переделку.

После показавшейся очень долгой поездки по ухабистой дороге, когда мы миновали практически половину пути, проделанного на поезде, капитан Бартлетт внезапно сбросил скорость, резко повернул руль, и фургон, яростно раскачиваясь из стороны в сторону, поехал по грунту. Впереди маячили низкие здания, которые урывками выхватывал из темноты свет наших фар. После очередного поворота мы резко остановились, и мотор замолк.

– Наконец доехали! – объявил Бартлетт. – Эскадрилья номер семнадцать авиации ВМС Великобритании. Или, как мы ее называем, *La rue des bêtes*, «улица Животных».

– Откуда такое название?

– Мы заняли часть сельхозугодий. Там, где сейчас наша взлетная полоса, раньше паслись коровы. Сначала это была чья-то шутка. Хозяин фермы не привык закрывать ворота, поэтому иногда коровы забредали обратно, когда мы садились или взлетали, но с тех пор название стало полуофициальным. А ворота мы починили.

Мы подошли к кузову фургона и вытащили два моих чемодана. Я потянулся, расправил спину, жадно втягивая спокойный воздух. После рокота мотора я смаковал ночную тишину. Мы уехали далеко на восток, на приличное расстояние от фронта, поскольку вспышки на небе казались далекими и безобидными. Это походило на последние мерцающие проблески шторма, который отошел в море. Пушки грохотали, но ужасы войны были где-то далеко.

– Базу ночью вы особо не рассмотрите, – сказал капитан Бартлетт. – Но давайте найдем вам койку, а потом можно и поесть. По крайней мере вино здесь вкусное. А летное поле я покажу вам завтра.

Ночь была холодной и яркой от звезд. Я последовал за молодым офицером к меньшему из двух зданий, смутно различимому в темноте.

7

Меня поселили одного. В комнате стояла узкая койка, рядом с которой расположился небольшой шкаф, деревянный стул, втиснутый между спальным местом и стеной, кроме того, из стены торчало несколько крючков, на которые я мог развесить одежду. Потолок прямо над кроватью резко кренился вниз, поскольку комнатенка располагалась в конце барака. После того как я затащил внутрь два тяжелых чемодана, свободного места практически не осталось. Я перепаковал вещи так вдумчиво, как только мог, переложив то, что мне не потребуется в ближайшей перспективе, в чемодан побольше, и умудрился затолкать его под кровать, предварительно вынув все из маленького, развесив одежду и достав зубную щетку. Комната не отапливалась, поэтому я быстро разделся и юркнул под одеяло.

Я лихорадочно перебирал в памяти все, что видел и пережил, особенно разговор с Уэллсом. Но за день я устал как собака, и, хотя мне было холодно и неудобно, почти мгновенно уснул.

Проснулся я еще до рассвета. Пару минут не мог понять, где нахожусь, а потом ощутил нервозность и страх. Вокруг царили темнота и тишина, и, хотя я быстро вспомнил, где я и как тут оказался, неизведанное вселяло ужас.

Всю жизнь меня преследовали подобные ночные страхи. Я понимал, что не одинок в этом, и специалисты-психологи объясняли, что перед рассветом интеллект и эмоции находятся на самом низком уровне. Боязнь и сожаления овладевают человеком быстро и легко, кажутся реальными, близкими и неприятными. Они отступают, стоит забрезжить рассвету, их становится легче переносить, но все дело исключительно в контексте. Ночью страх не воображаемый, не преувеличенный, он просто выступает на передовую вашего разума.

Итак, я в северной Франции, в сельской местности, один в дрянной комнатенке, лежу на кровати под тонким одеялом, в темноте, а в нескольких милях от меня бушует война. Я вспомнил, что Симеон Бартлетт сказал о гигантской пушке Круппа. Она настоящая? Немцы и правда будут целиться в базы вроде этой, прежде чем обратить оружие против Парижа? Я также вспомнил, что Г. Д. пророчески писал о мощи и влиянии компании Круппа. Сейчас я уже окончательно проснулся и отдался на милость собственным страхам. Дважды перевернулся, пытаюсь расслабиться и скользнуть обратно в блаженный сон, но тщетно.

Я сел, взбил подушку, снова улегся. В голове кружило множество мыслей, и все как на подбор болезненные. Мой разговор с Уэллсом... я понял, что он наверняка счел меня скучным и политически наивным, а беседовал со мной только за неимением другого собеседника. Я вспомнил ту спешку, с которой он жаждал отделаться от меня на бетюнском вокзале. Стоило больше говорить со знаменитым писателем о его книгах, выказать интерес к темам, которыми он увлекался. Вместо этого я продемонстрировал выдающемуся человеку, доверенному лицу Уинстона Черчилля, как перетасовывать колоду карт и заставить сигарету исчезнуть. Наверное, он решил, что я – круглый идиот. А еще тот ефрейтор... я принял его расположение как должное, не поблагодарил, не ответил любезностью. А как серьезно отнесся к шутке капитана Бартлетта по поводу улицы животных!

Хуже всего то, что возникло недопонимание относительно моих магических способностей.

Я всего лишь спрятал свою юную племянницу с помощью особых приемов иллюзиониста, а капитан Бартлетт подумал, что я и впрямь могу сделать ее невидимой. Разве это в моей власти?! Моя племянница не исчезала, думать иначе – сущее безумие, просто на каждом представлении я заставляю ее казаться невидимой с помощью направленного света, стратегически верно расположенного листа стекла, при этом я отвлекаю зрителей пальбой холостыми снарядами из пушки и использованием общего магического антуража.

Я ввожу в заблуждение и обманываю. Вот как это называется.

Присев на холодной и узкой койке, я вспомнил, как на меня нахлынула волна патриотизма и храбрости в тот вечер, когда за кулисы сумел пройти капитан Бартлетт. Внезапно я решил, что смогу внести вклад в борьбу с Германией, если своими трюками развлеку и подбодрю смелых молодых парней на войне.

Это было недопонимание с моей стороны, возможно, меньшее из двух. Сейчас подлинная сущность войны стала мне слишком уж понятной. Все неясности закончились здесь, на этой неудобной койке, пока я ворочался с боку на бок в ожидании нового дня.

Но нужно что-то делать и с более масштабным заблуждением!

Разумеется, капитан Бартлетт должен был понимать истинную природу моей деятельности. Скрыть что-то от зрителей достаточно легко, если нужно придумать фокус в условиях зрительного зала, когда исполнитель знает, как ослепить светом, сбить с толку или закрыть обзор. Но среди ужасов войны с реальными самолетами, реальными пушками, реальным артиллерийским огнем и молодыми людьми, каждый день рискующими своими жизнями, это невыполнимая задача.

Я старался сохранять спокойствие. Комната была голой, холодной, неприветливой. От нее веяло баракком, чувствовалось временное присутствие тех, кто занимал ее до меня. Что с ними стало? В темноте я мог как минимум отогнать от себя эти неприятные мысли. Я увидел в маленькое окошко, что небо едва заметно посветлело по мере приближения рассвета. Заставил себя дышать спокойно, подобную технику расслабления я порой использовал перед выходом на сцену. Но мысли все равно беспокойно метались.

Я вспомнил рассказы Г. Д. о его юношеском опыте в стиле Киппса. Годы спустя, когда он уже не был разочаровавшимся продавцом, работающим за нищенскую плату, Г. Д. увидел в тельферной системе, которую до сих пор используют во многих британских магазинах, Потенциал с большой буквы «П». Как автор Уэллс всегда меня вдохновлял. Может, наша встреча сейчас даст мне сил для нового захватывающего трюка.

Я начал размышлять, есть ли в моем арсенале что-то такое, что поможет обеспечить капитану Бартлетту желаемый камуфляж. Я заставил себя с практической точки зрения посмотреть на техники, которые принимал как данность.

Мне часто приходилось придумывать какие-то новые фокусы. Я сидел дома, иногда в полумраке, планировал трюк, размышлял, как все должно выглядеть на сцене, какой реквизит может понадобиться. Иногда окольными путями советовался и с другими фокусниками. Напрямую ничего не говорилось, поскольку в нашей профессии секретность превыше всего, это дань уважения чужим тайнам. Но всегда полезно побеседовать об общих понятиях, не раскрывая особо своих планов. Принципы магии куда проще, чем многие воображают: сокрытие, появление и т. д. Они применимы почти к любому трюку, который когда-либо демонстрировался на сцене. То, что зачастую кажется публике новым фокусом, на самом деле является вариацией на тему: еще одним способом показать карточный фокус, внезапное появление голубя или кролика, переоборудованный шкаф, благодаря которому кажется, что тело моей послушной племянницы можно трансформировать.

А здесь во Франции меня просят скрыть целый самолет, защитить молодых летчиков, помочь им ускользнуть от врага, чтобы вести войну более эффективно. Возможно ли это?

Дав отпор своим страхам, я попытался осмыслить возможные варианты. Самый очевидный и, наверное, самый дешевый и простой – изменить внешний вид самолета так, чтобы он сливался с небом. Выкрасить его в серебряный или бледно-голубой цвет?

Сработает ли? Мой опыт подсказывал, что, скорее всего, ничего не выйдет. Несколько лет назад я попробовал придумать новый и, как мне казалось, хитрый способ повернуть фокус с исчезновением на сцене. Я убедил мою тогдашнюю ассистентку надеть костюм, сшитый из того же материала, что и задник, и в том же цвете. Оказалось, эта идея лучше в

теории, чем на практике. Как я ни пытался, меняя движения и освещение, но она оставалась столь же видимой зрителям, как если бы была одета с ног до головы в белое, черное или вообще в свое обычное платье.

Что если применить тот же прием в случае с самолетом? Я попытался представить, как может выглядеть замаскированный самолет над головой. Как и большинство людей, я редко видел эти машины вблизи, хотя и присутствовал при показательном полете известного французского авиатора Луи Блерио. В какой-то момент он пролетел медленно и мрачно над головами зрителей. Мрачно – вот ключевое слово. В солнечный день в Саут-Даунсе близ Брайтона его маленькая хрупкая машина с земли напоминала темную хищную птицу. Но что если ее выкрасить в цвет неба? Будет ли тогда видно самолет?

Предположим, удастся найти правильный оттенок серебристо-синего, и день будет ясным и безоблачным... что тогда? Я закрыл глаза, представляя результат. Самолет не обладает обтекаемой формой, у него есть крылья, двигатель, шасси, колеса, а еще в кабине сидят пилот и второй пилот, а на корпус нанесены опознавательные знаки.

В определенных, строго контролируемых условиях и при идеальном небе можно было бы исхитриться и сделать военный самолет менее заметным. Однако сработает задумка лишь на то время, пока он будет находиться в правильной обстановке, то есть, возможно, он останется неразличим на фоне ясного неба, но как будет выглядеть сбоку или сверху? А на фоне деревьев, травы, бетона или грязи?

Полеты далеки от идеальных условий. Самолет виляет из стороны в сторону и раскачивается, пропеллер – вращается, двигатель – шумит, без сомнения, за ним потянется шлейф дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.